

1972

TALLINNA POLÜTEHNILISE
INSTITUUDI TOIMETISED
ТРУДЫ ТАЛЛИНСКОГО
ПОЛИТЕХНИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА

СЕРИЯ Б

№ 9

П. К. В А А Р А С К

ОЧЕРК РАЗВИТИЯ
СИНТАГМАТИЧЕСКОЙ ФОНЕТИКИ
РУССКОГО ЯЗЫКА

ТАЛЛИН 1964

Er. 6.118

TALLINNA POLÜTEHNILISE INSTITUUDI TOIMETISED
ТРУДЫ ТАЛЛИНСКОГО ПОЛИТЕХНИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА
СЕРИЯ Б № 9 1964

П. К. ВААРАСК

ОЧЕРК РАЗВИТИЯ
СИНТАГМАТИЧЕСКОЙ ФОНЕТИКИ
РУССКОГО ЯЗЫКА

ТАЛЛИН 1964

Ep. 5704

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предлагаемая вниманию читателей работа представляет собою незначительно дополненную часть более обширной неопубликованной работы автора, рукопись которой хранится в библиотеке им. В. И. Ленина.¹

Работа содержит обзорный анализ важнейших русских и советских лингвистических трудов, в которых проводятся принципы членения речи на интонационно-синтаксические единства.

Самый принцип синтагматического членения речи является весьма плодотворным в изучении механизмов устной речи, и его внедрение способствует большей осмысленности и выразительности устного общения людей.

Для преподавателей данная работа представляет необходимое ориентировочное пособие по вопросам изучения тонических средств русской речи и их использования в педагогическом процессе.

Таллин,
15 апреля 1963 г.

П. ВААРАСК
доц., канд. филол. наук

Введение

В трудах классиков марксизма заложены теоретические основы научной разработки вопроса о звуковой речи, как средства общения людей, как средства взаимного понимания, как орудия борьбы и развития общества.

Учение о незаменимости звуковой речи для человеческого общества дает незыблемую основу фонетике как науке о природной звуковой материи языка и о закономерностях звукового оформления языка и речи.

Грамматический строй и словарный состав звукового языка не могут существовать иначе как через материальное звуковое оформление.

¹ П. К. Ваараск. Критический очерк учений о речевой интонации и интонационно-грамматическое членение речи в английском языке в сравнительном аспекте с эстонским языком. 1952 г.

Первичными элементами звукового оформления языка являются фонемы как формативные компоненты звуковых комплексов морфем, слов и словоформ.

Вторичными, более сложными компонентами звукового оформления языка являются интонационные средства речи, к которым относятся звуковые качества фонем в связной речи в различных взаимоотношениях высоты, долготы, темпа, громкости, тембра и смысловых пауз, вместе образующих сложное единство под названием интонации речи.

Интонационные элементы в их совокупности и взаимообусловленности являются средством ритмико-мелодического членения речи.

Таким образом, в состав фонетики входят:

1) **фонематика** (Phonemics, Wortphonologie) как учение о фонемном строе языка;

2) **синтагматика** или синтагматическая фонетика (Phonetics of Connected Speech, Syntagmatic Phonetics, Syntagmaphonologie) как учение об интонационно-синтагменном строе речи.

Выдвигая в качестве основной задачи языкознания изучение внутренних законов развития языка, советские лингвисты должны уделять серьезное внимание не только изучению грамматики и лексикологии, но и фонетики, так как грамматический строй, словарный состав и звуковое оформление языка развиваются в тесной взаимозависимости и взаимообусловленности.

Раздел I

Изучение функциональной стороны речевой интонации в русской и советской лингвистике

§ 1. На почве русского языка с самого начала преобладает не изучение голой формы интонации, как в западной лингвистике, а ее речевой функции в связи с изучением грамматики, фонетики, поэтики и выразительного чтения. В настоящем обзоре главных моментов развития изучения интонации в Советском Союзе будут затрагиваться главным образом вопросы интонации в связи с изучением грамматики и фонетики.

Теория прозодических периодов А. Востокова

§ 2. Еще в начале 19 века на почве русского языка появилось самобытное исследование А. Востокова о русском стихосложении¹. Это произведение представляет фонетический интерес в отношении учения о групповом ударении и о ритми-

¹ А. Востоков. Опыт о русском стихосложении. СПб 1817, 169 стр.

ческих группах в русском разговорном языке и в народной поэзии.

В качестве фактора ритма народного стиха Востоков выдвигает групповое ударение. Ударение Востоков определяет, как «повышение голоса в каждом слове на одном или на нескольких слогах, рождающееся необходимо от переводимого дыхания при произнесении слова, и способствующее между тем внятности, или явственному разделению слов в произношении».

Русский язык по Востокову имеет в каждом слове по одному ударению, т. е. «один только слог повышается голосом, а прочие все произносятся с равным понижением». В некоторых других языках (напр. в немецком и «богемском») Востоков находит в слове троякий переход голоса по лестнице тонов: высокий, средний и низкий. В русском же слогуударении он находит два перехода: высокий и низкий, — разумеется, в отдельных словах.

Востоков вскрывает несвойственное русскому языку название повышаемых слогов долгими, а понижаемых короткими, «ибо повышение голоса совсем не то, что протяжение оного». Последнего он в русском языке не находит, а потому не находит и долгих слогов, каковые имеются, напр., в немецком и французском языке для различения слов. Говоря об обыкновенном разговорном произношении и стихосложении, Востоков считает русское «слогоразмерение» **тоническим** (по ударениям), а не метрическим (количественным — по стопам).

Разбирая вопрос о подчиняемости ударений в целом периоде или стихе, Востоков приходит к следующему выводу: «Целое предложение или период, когда изображает одну нераздельную купу мыслей, приемлется как бы за одно большое сложное слово, коего составные части должны, по законам единства прозодического, подчиняться одной главнейшей: а сие не иначе произойти может, как с отнятием у них ударений — признака их отдельности или независимости»: Пойдешь ли ты со мною? Со мною ли ты пойдешь? Ты ли со мною пойдешь?

В первом примере усиливается ударение над словом **пойдешь**, во втором над словом **мною**, в третьем над словом **ты**. Прочие же слова этого предложения лишаются (на ту пору) своих ударений и произносятся все с равным понижением голоса, на подобие того как бывает в сложных словах с составными частями, из коих только одна сохраняет свое ударение: **человеколюбие**.

Такие группы слов, объединенные одним ударением, Востоков называет **прозодическими периодами**.

§ 3. Как видно из предыдущего, Востоков устанавливает «прозодические периоды», объединяемые групповым ударением, поглощающим ударения отдельных слов, — на основе разговорного языка, т. е. обыкновенной прозаической речи.

Такие периоды имеют определенные границы: при одном ударяемом (повышаемом) слоге можно произнести не более слогов понижаемых или без ударения, «как сколько вынесет грудь человеческая не переводя дыхания». В группе **сделаемся ли мы когда** семь таких слогов.

Это и является нормальным числом слогов для прозодического периода. Когда ударение падает на середину или на конец фразы, тогда соответственно распределяется и общее количество предударных и заударных слогов: Не убежит никто от смерти; коль скоро они вам знак дадут.

Более 7—8 слогов надобно уже произносить с двумя ударениями, напр.: ты ли со мною пойдешь туда; тогда-то мы с тобою **сделаемся**.

В обоих примерах — слышно уже второе более слабое ударение на словах туда и **сделаемся**. А поскольку такое более слабое ударение составляет середину между полным повышением и совершенным понижением голоса, то из этого следует, что и русский язык имеет, по крайней мере в целых предложениях или периодах, такой же троякий переход голоса, какой имеется у некоторых других языков в отдельных словах (с побочным ударением).

Подобный период с главным и слабым ударением Востоков называет **двойным** или **сложным периодом** в отличие от простого периода, где господствует только одно ударение.

Место главного ударения

§ 4. Главное ударение, как разъясняет Востоков, появляется преимущественно на первых слогах речи, потому что «для груди человеческой удобнее сперва повысить, а потом уже понизить голос».

Прозодический период, простой или сложный, любит оканчиваться **понижением** или «отдыхом голоса».

Старое русское стихосложение довольствовалось одними ударениями. Стопы и рифмы появились с появлением книжной словесности.

Корни ритмической теории Востокова

§ 5. В народном стихе одно ударение отделено от другого большим числом неударяемых слогов, чем в основных размерах русского литературного стихосложения. Надо думать, что это обстоятельство и заставило Востокова искать

объяснения в теории прозодических периодов, по которой границы ритмического отрезка оказываются более широкими чем в «стопе» литературного стихосложения. Ведь отличительной особенностью народного стиха является большое количество энклитик и проклитик (заударных и предупредных слогов):

Стольне — Кіев — град,
Млад — ясён — сокол,
Мать — сыра́ — земля,
Отец — ма́тушка,
роду — плéмени и т. д.

В формах народного стиха происходит объединение двух, а иногда и трех слов под одним ударением, и вместо двух или трех ударений, как это было бы в современном русском языке, на тот же слоговой состав приходится лишь одно ударение. Теория Востокова о взаимоотношении ударяемых и безударных слогов в прозодическом периоде отражает влияние правил силлабического стихосложения. Выдвигая групповое ударение в прозодическом периоде, Востоков отбрасывает словесные ударения. Но на самом деле это лишь главное (логич.) ударение, наряду с которым существуют и подчиненные словесные ударения, в чем можно убедиться на приведенных им же примерах: Не убежит **никто** от смерти; коль скоро они вам **знак** дадут. Кроме указанных Востоковым ударений на словах **никто** и **знак** встречаются еще подчиненные словесные ударения на словах **убежит, смерти, скоро, они, дадут**¹.

Вообще Востоков затрагивает следующие вопросы речевой техники:

тонический элемент ударения,
акцентное членение речи,
логическое ударение,
ритмические единицы речи,
смысловые группы,
границы ритмических групп,
роль дыхания в членении речи.

Заслугой Востокова следует признать то, что он предвосхитил идею акцентного членения разговорной речи и проложил путь для дальнейшего исследования ритмико-мелодического строя устной речи в интересах осмысленного и выразительного высказывания или сообщения.

¹ М. П. Штокмар. Основы ритмики русского народного стиха. (Изв. Акад. Наук, О. Л. Я. № 1 — 1941 г., стр. 106—136).

Экспериментальные наблюдения В. А. Богородицкого над изменением высоты тона в отдельных словах и предложениях

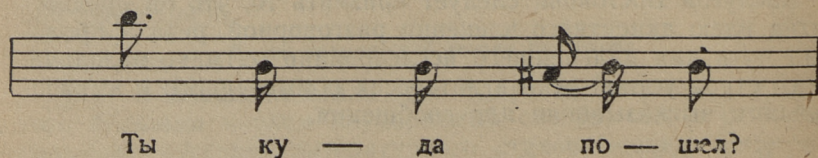
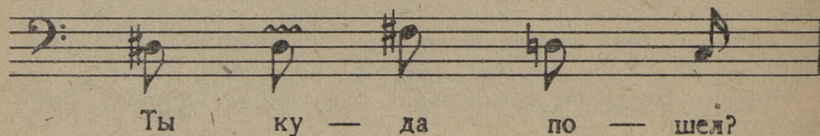
§ 6. Сопоставляя труды по исследованию интонации, следует признать, что в сфере синтаксической (грамматической) фонетики советскими учеными достигнуты большие результаты. К сожалению, не имеется еще у нас общей сводки достигнутых результатов в этой области. Вся работа до сих пор остается распыленной и не все несомненные достижения успели еще войти в научно-педагогический оборот. Советские ученые трактуют вопрос об интонации главным образом в связи с грамматикой и усматривают в интонации вспомогательное средство выражения синтаксических отношений.

Интонация слова и простого предложения

§ 7. Проф. В. А. Богородицкий был одним из пионеров экспериментального метода в фонетике и одним из лучших специалистов в своей области.

Наблюдения над изменением высоты тона в отдельных словах и в предложении он описывает в своих «Очерках по языковедению и русскому языку»¹.

¹ Проф. В. А. Богородицкий. Очерки по языковедению и русскому языку. М., 1939, изд. 4-е переработанное, стр. 130—146.

(сердитое произношение)

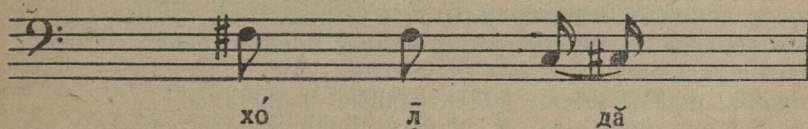
В «Очерках» (стр. 132) Богородицкий представил в нотном обозначении несколько примеров тонических вариаций одного и того же предложения под влиянием логического ударения и эмоций:

Ты куда пошел? Куда ты пошел? Ты куда пошел?

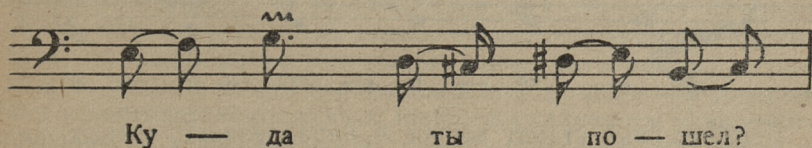
Исследование тонической стороны предложения приводит его к следующим выводам:

1) В слове ударенный слог — самый высокий; слог непосредственно предшествующий ударенному — несколько ниже (около тона); второй слог перед ударением ниже ударного приблизительно на полтора тона; интервал между ударенным (слогом) и конечным открытым слогом, непосредственно следующим за ударенным, доходит до двух с половиною тонов. Таким образом Богородицкий усматривает некоторую связь между силой и высотой произношения в словах русского языка, а также между долготой.

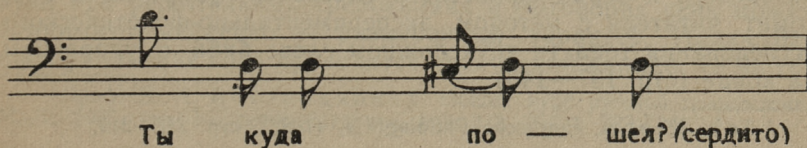
2) Внутренний послеударный слог по своей высоте при-мыкает к конечному неударному слогу; но если этот слог составляет слогаобразующий согласный, то он произносится на одинаковой высоте с ударенным:

3) Если в конце предложения, после слова с главным ударением стоит двухсложное слово с ударением на втором слоге, то этот слог произносится ниже своего неударенного:

4) Интервал между самым высоким и самым низким слогом предложения в русском языке доходит до октавы:

5) Можно заметить особые типы тонического строения предложений повествовательных, вопросительных, восклицательных и т. д.

При исследовании интонации Богородицкий советует обращать внимание последовательно на три категории фактов:

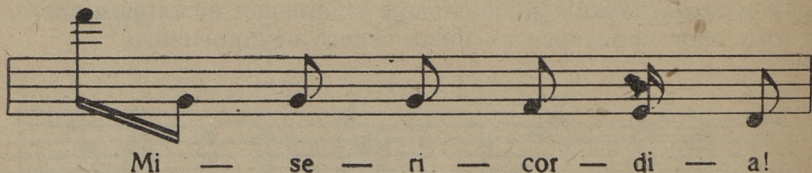
- 1) на тоническую сторону при произношении слов в отдельности;
- 2) на тоническую сторону сочетания слов в повествовательных фразах;
- 3) на видоизменения тонической стороны, служащие для придания специальной выразительности, например, в вопросительных предложениях и т. п., равно как и производимые под влиянием эмоций.

Первую сторону он признает основной, как более элементарную, а от нее уже советует переходить к фразам. Далее он приводит нотные примеры для пояснения интонации английского, французского и итальянского языков по Сторму¹.

В английском языке Богородицкий констатирует монотонную интонацию и разделение речи на произносимые «участки» (фразы), которые произносятся приблизительно на одной и той же высоте за исключением конечного слога участка, который значительно понижается в придаточном предложении, следующим за главным. В главном предложении тон после понижения возвращается к нормальной высоте для перехода к следующему придаточному предложению.

В итальянском языке (и в испанском) даже повествовательные фразы имеют значительные интервалы.

В эмоциональных фразах интервалы доходят до двух октав:

Богородицкий ставит вопрос о параллелизме между характером национальных мелодий и характером музыки речи данного народа, ожидая решения этого вопроса от будущего.

В конце описания автор останавливается на особенностях литовского и сербо-хорватского словесного ударения и знакомит читателя с методом экспериментально-фонетического исследования тона (в двухсложном слове **би́би́** с ударением на конце (стр. 137—146).

¹ Joh. Storm. Englische Philologie I, (1892), стр. 217—219.

В своем «Общем курсе русской грамматики»¹ В. А. Богородицкий рассматривает типы простого и сложного предложения в связи с интонацией.

Простое предложение имеет интонацию повествовательную, вопросительную, ответную, восклицательную, желательную и повелительную. Богородицкий особо характеризует каждый из этих видов интонации (стр. 212—217).

В повествовательном предложении обыкновенно средняя высота тона держится приблизительно на одном уровне, понижаясь в самом конце предложения. В предложении вопросительном место наибольшего повышения голоса определяется тем словом, на котором сосредоточена сила вопроса; ответные предложения по движению тона подходят к повествовательным. В ответной форме могут быть опущены все слова, кроме ответного слова, которое и произносится с интонацией ответного предложения. Восклицательные предложения представляют большое разнообразие в повышении и понижении тона в зависимости от места логического ударения. В связи с вопросом о логическом ударении, интересно привести подстрочную заметку Богородицкого относительно психологического сказуемого: «Следуя немецкому ученому Габеленцу, некоторые лингвисты трактуют о предложении выдвигают на видное место учение о так называемом «психологическом сказуемом». Согласно этому учению каждый член грамматического предложения, если на нем сосредоточено главное внимание, является психологическим сказуемым; ясно, что здесь не более как неудачная замена прежнего учения о логическом ударении, которое может приходиться на любом члене предложения, модифицируя соответствующим образом смысл этого предложения и влияя на порядок слов в последнем» (Общий курс русской грамматики, стр. 201—202).

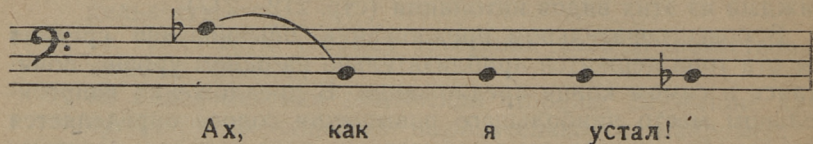
Под влиянием эмоции изменяется также и темп речи. Таким образом живая речь пользуется для передачи оттенков настроения говорящего не только определенными сочетаниями слов, но также соответствующим изменением тембра и тона голоса, усилением или ослаблением его, а также замедлением или ускорением темпа речи и, наконец, **удлинением ударяемого гласного** в подчеркиваемом слове; сюда же относятся и паузы.

В качестве примера на вариацию темпа речи указывается на быстро-энергичную гневную речь и на торопливую радостную; при решительных требованиях и выговорах речь может принимать медленно — размеренный характер. Иллюстрацией удлинения слов приводится следующий пример: «а на го-

¹ Проф. В. А. Богородицкий. Общий курс русской грамматики. М.-Л., 1935, изд. 5-е переработанное, стр. 212—217 и 229—241.

рах — туман!» «а туман какой, туман, просто дышать нельзя.»

Энергичное *staccato* встречается при переспрашивании («туман?») и в быстроэнергичной гневной речи. *Glissando* тон характеризует иногда восклицание:

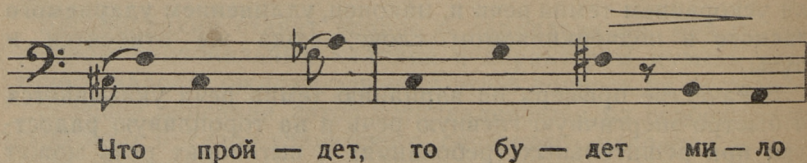

Богородицкий выражает сожаление, что все это разнообразие оттенков речи совершенно не изучено и даже считается некоторыми лингвистами элементом «не-грамматическим» в нашей речи (стр. 216). Но это пережиток прежних воззрений, когда изучали только письменный язык. Общеупотребительное письмо лишь в слабой степени (знаки препинания, курсив, разрядка) может намекать на особенности живой речи в ее разнообразных нюансах и модуляциях.

Интонация сложного предложения (стр. 229—241)

§ 8. Интонация сложного предложения иллюстрирована у Богородицкого нотными примерами с показом высоты движения тона, но без показа ритма. Как видно из нотных записей, сложные предложения (с одним придаточным предложением) в интонационном отношении подразделяются на две половины, отделенные паузой. Первая половина (будь она придаточную или главную) имеет восходящее движение и произносится вообще выше по сравнению со второй половиной, которая имеет нисходящее движение. Даже ударяемый слог последнего слова второй половины не поднимается выше предшествующих безударных слогов.

Движение (повышение) тона в первой половине сопровождается *crescendo*, а понижение во второй *diminuendo*:

Такие же повышения обычны и в слитных предложениях при перечислении однородных членов, а также перед союзами, чем как бы указывается на незаконченность фразы.

Придаточные предложения Богородицкий разделяет на полные и краткие.

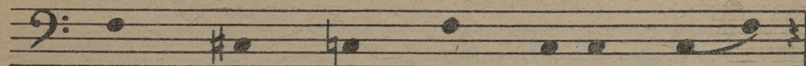
Связь полного придаточного предложения с главным обозначается:

- 1) формальными словами,
- 2) также и другими средствами — **интонацией** и т. п. (подстрочное прим., стр. 230).

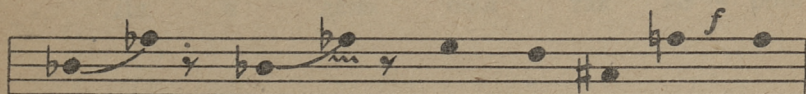
На основании смысловых различий Богородицкий подразделяет придаточные предложения на следующие типы и иллюстрирует их интонацию нотными примерами без разъяснений (разъясняются лишь словесные связи):

а) тип **определятельно-описательный**: что пройдет, то будет мило (см. нотный пример на стр. 12, в книге стр. 231);

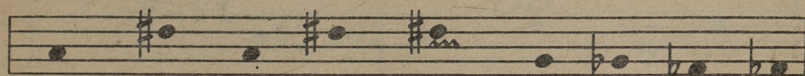
б) тип **уподобительно-сравнительный**;

Как не — воз — врат — ная струя

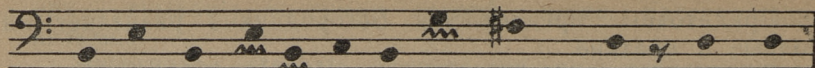

блестит, бе — жит и ис — че — за — ет,

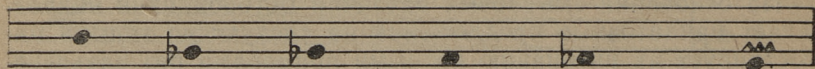

так жизнь и ю — ность у — бе — га — ет

в) тип **временной**, выражающий одновременность или последовательность действий:

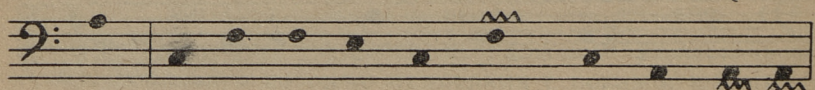

И только небо за-све-ти-лось, все шум-но

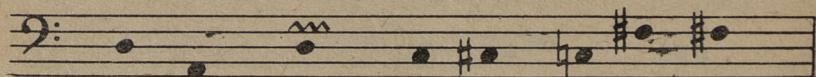
вдруг за — ше — ве — ли — лось.

г) тип разъяснительный;

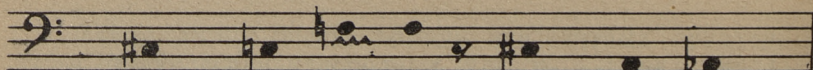

Жаль, что ты нера — зо — брал У — стря-ло-ва.

д) тип условный;

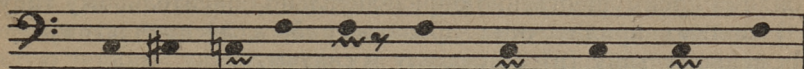

Если жизнь те-бя об-ма-нет,

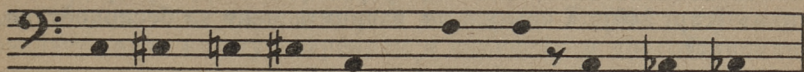

не пе — чаль-ся, не сер — дись!

е) тип уступительный;

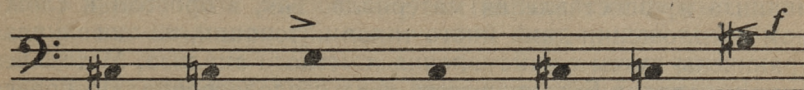

О - на и - гра - ла о - чень хо - ро - шо,

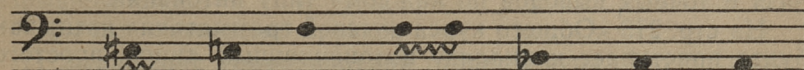

хо - тя не - мно - го стро - го и су - хо.

ж) тип причинно-следственный;

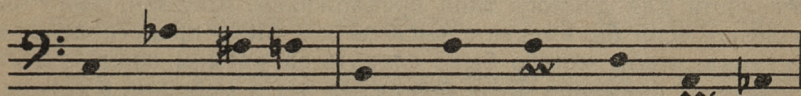

Да и день был так хо - рош,

что нель - зя было сер - дить - ся.

тип целевой:

Я жить хо - чу, чтоб мы - слить и стра - дать

Краткие придаточные предложения имеют типы причастный и деепричастный, из которых первый соответствует по интонации преимущественно определительно-описательному типу (а) полных придаточных предложений, а деепричастный — временному типу (в) по смыслу и связям.

Вводные предложения по наблюдениям Богородицкого получают при произношении обычно «более быстрый темп, более слабую силу и более низкий тон, между тем как часть фразы, следующая за вводным предложением, примыкает к типу или течению начальной части, прерванной вводным предложением» (стр. 240). А чем же он, **извините меня за беспокойство**, знаменит?

Критические заметки относительно интонационных наблюдений
В. А. Богородицкого

§ 9. В результате экспериментальной работы над исследованием интонации предложения у Богородицкого накоплено много интересного и полезного материала в виде примеров на типические интонации. Но в теоретическом отношении чувствуется некоторая недоработка интонации в области общего курса грамматики, где он ограничивается главным образом представлением нотных примеров без обстоятельного анализа и сопоставления материала. Так, в простом и сложном предложении дано много типов интонации, но они не разграничены путем сопоставления и четкого анализа. Методическая установка Богородицкого ясна и плодотворна. Но проведение сравнения типов интонации сделало бы работу гораздо более ценной для читателя. В теперешнем виде примеры не дают неискушенному читателю и даже рядовому учителю той пользы, которую можно было бы извлечь из законченного анализа и точных выводов по каждому типу интонации.

На стр. 213 «Общего курса русской грамматики» автор как будто приступает к анализу интонационных типов простого предложения, но тут же прекращает этот анализ и дальше мы уже не видим подобного приближения к проблеме. Разъяснения по типам предложений касаются только грамматически-структурных словесных средств соединения предложений, а интонационные рисунки оставляются в стороне без всякого пояснения.

В результате этого получается неясность и неопределенность в отношении перечисленных типов интонации, их обязательности для данного типа предложения. Конечно, было бы полезно, если бы вместе с высотой нот была представлена и ритмика, чтобы можно было следить за ритмом приведенных словесных примеров. Ведь без ритма нет и мелодии, а есть отдельные высотные пункты, которые дают только то, что в музыке называется линией звуковой высоты.

Только относительно вводных предложений даются ясные ориентирующие указания в отношении темпа, силы и тона.

Читателю было бы интересно знать, почему, например в примере на тип г (разъяснительный) конечная каденция имеет малую терцию: является ли это постоянным признаком изъяснительной интонации? и т. д.

Примеры хороши тем, что из них мы видим возможность употребления в интонации не только скользящих тонов, но и скачкообразных интервалов.

Ударение у В. А. Богородицкого связывается с повышением тона за исключением некоторых оговорок. Точно также он признает связь между ударением и изменением долготы гласных.

Принимая во внимание, что до Богородицкого область синтаксической фонетики была очень слабо разработана, его работу в этой области следует оценивать высоко, как прокладывающую путь в новую сферу и к точным методам исследования.

Интонационная система А. М. Пешковского

§ 10. «Вопрос о роли интонации в предложении не раз ставился в европейской лингвистике, но Пешковский первый широко использовал этот грамматический фактор для объяснения целого ряда синтаксических явлений и с известной степенью конкретности описал его звуковые обнаружения»¹ — так говорит критик С. И. Бернштейн.

Свою теорию грамматической интонации Пешковский излагает в статье «Интонация и грамматика»². Под интонацией А. М. Пешковский понимает и ритм и мелодию речи в их неразрывной связи.

Функции интонации троякие:

1) **выражение эмоциональной стороны речи.** Это по Пешковскому, основная и исконная функция. «Чувства мы выражаем не столько словами, сколько интонацией»;

2) **выражение словарной стороны речи.** Оно проявляется в интонации слогов и тактов: *за́мок* — *замо́к*, *му́ка* — *мука́*; в одной рубашке — в одной *руба́шке*: тут значение слова изменяется интонацией всего словосочетания;

3) **выражение грамматической стороны речи.**

В дальнейшем Пешковский останавливается только на грамматической функции интонации. Тут он различает инто-

¹ Проф. С. И. Бернштейн. Грамматическая система А. М. Пешковского. (Русский язык в школе № 2 — 1939, стр. 95—109; 107).

² А. М. Пешковский. Интонация и грамматика. (Известия по русскому языку и словесности. Акад. Наук СССР, 1928, т. 1, стр. 458—476).

нацию мелких речевых единиц — слога и такта — и интонацию крупных единиц — простой фразы и сложной фразы.

Оставляя в стороне интонацию мелких единиц, он ограничивается трактовкой фразной интонации в соотношении ее с грамматикой.

Значение фразной интонации Пешковский признает символическим, т. е. между повышением голоса, например, в вопросительном предложении и самой вопросительностью мысли есть необходимая связь: психика незнания, неуверенности рождает возбуждение и соответственно высокие тоны.

Интонация слогов и тактов зависит от природы звуков данного языка, от долготы и краткости гласных, от природы ударения (напр., в сербском и литовском языках есть восходящие и нисходящие слоги вне всякой зависимости с фразной интонацией), от места ударного слога в слове:

ру́ки — руки́	} (грамматическое значение)
ку́пите — купи́те	
му́ка — мука́	(словарное значение)

Но фразная интонация всегда имеет то или другое значение. «Слоговая интонация национальна, фразная — общечеловечна».

В 1914 году А. М. Пешковский впервые ввел изучение интонационных явлений в свой синтаксический труд¹.

В предисловии к первому изданию автор заявляет: «От почтенного труда проф. Овсяннико-Куликовского (Синт. р. яз. 1912) книга эта отличается тем, что особое внимание уделено внешним показателям некоторых синтаксических оттенков — интонации и ритму речи».

В предисловии к третьему переработанному изданию автор оговаривается относительно значения интонации, особо подчеркнутого в первом издании: «интонационная сторона синтаксических явлений выделена, противопоставлена и до некоторой степени подчинена собственно-формальной стороне».

В последующем обзоре будем придерживаться четвертого издания, которое является полным повторением третьего.

Роль словесного ударения (стр. 19—20)

§ 11. В каждом слове, имеющем форму, Пешковский находит по меньшей мере два значения: вещественное и формальное. Формальное значение может сознаваться и в связи

¹ А. М. Пешковский. Русский синтаксис в научном освещении. 1-е изд. 1914 г., 2 изд. 1920 г., 3-е изд. переработанное 1928 г., 4-е изд. 1934 г., 5-е изд. 1935 г., 6-е изд. 1938 г.

с местом ударения слова. Так, формы пѣлы, ѳкры, ѳглы, рѣки, спѣны, трѣбы отличаются от форм пилѣы, икрѣы, иглѣы, рукѣы, спинѣы, трубѣы только одним ударением, всецело помогающим здесь различить два совершенно различных грамматических значения.

Точно также различие в наклонении между пѣлите, вѣлите, вѣрите, бѣдите, кѣпите и пилѣите, валѣите, варѣите, будѣите, купѣите выражено только ударением.

В языках, в которых различаются разные виды ударения в зависимости от силы и от тона звука (усиливающееся, ослабевающее, восходящее, нисходящее), такие же значения могут создаваться и этими различиями (т. е. не местом ударения, а силой и тоном).

Такого цельного разряда случаев, где форма обозначалась бы только ударением, в русском языке нет. Поэтому этот признак в русском языке может иметь только подсобное значение.

Роль интонации и ритма в словосочетаниях (стр. 39—47)

§ 12. Словосочетание есть два слова или ряд слов, объединенных в речи и мысли (стр. 32).

Интонация и ритм могут приобретать формальное значение:

- 1) приедешь домой, переоденешься... (перечисление);
- 2) приедешь домой — переоденешься — (условие).

Во втором примере важный оттенок придаточности выражен интонацией.

Словосочетания **поэт-художник** и **поэт — художник** различаются при помощи ритма.

Влияние интонации и ритма имеет место во всяком высказывании. В каждом словосочетании неизбежно имеется одна из трех интонаций: либо повествовательная, либо вопросительная, либо восклицательная: он здесь. Он здесь? Он здесь!

Разница тут не материальна, а формальна. Меняется только отношение наше к данной мысли. Это различия грамматические и выражаются в русском языке почти исключительно интонацией. Оттенок законченности мысли выражается исключительно ритмом и интонацией, а по законченности высказывания отличаются предложения от других словосочетаний. Значит, во всех неполных предложениях интонация прямо создает важнейшую форму словосочетания — предложение: карету мне, карету! Ты куда? В аптеку. Ну пока! Всех благ!

Пешковский называет отдельные слова с законченной интонацией (повествования, вопроса, восклицания: хорошо. Куда? Назад!) словами с формой словосочетания (40). Пол-

ные предложения произносятся все с той же интонацией законченной мысли.

Итак, интонация по Пешковскому образует формальную сторону словосочетания.

Пешковский находит, что ритм и мелодию, как и порядок слов, бесформенные слова, характер связей между словами — невозможно изучать на отдельном слове, а только в словосочетании. Поэтому эти четыре признака являются исключительно синтаксическими и в морфологии им не может быть места (стр. 41—42). Ритм и мелодию он понимает в их целостной, фразной форме. Если отдельное слово и имеет их, то только тогда, когда оно заменяет фразу (стр. 41).

Но тут же Пешковский вносит оговорку относительно роли интонации и порядка слов, говоря, что «при всей их важности они все же в огромном большинстве случаев остаются только вспомогательными синтаксическими средствами», формы слов и служебные слова являются основными. «Отношение между теми и другими чаще всего сводится к замене одних другими, чем к совокупному действию» (стр. 44).

Точные наблюдения над вопросительной интонацией показывают, что она звучит тем слабее, чем большую роль играют другие средства. Так, фраза **читал** ли ты это? (со специальной вопросительной частицей) произносится с гораздо меньшим повышением голоса на ударном слоге слова **читал**, чем фраза **читал ты это?** (с измененным порядком слов); а эта фраза в свою очередь произносится с меньшим повышением, чем фраза ты **читал** это? (со специальной вопр. интонацией).

Когда вопросительное понимание гарантировано специальными вопросительными словами, интонация вопроса опускается, как излишняя: **какой час?** (здесь мы словами спрашиваем, а интонацией как бы сообщаем). Тут наблюдается расхождение интонационных и неинтонационных признаков.

Таким образом отношение между интонационными и собственно-грамматическими средствами языка (формами слов и служебными словами) в деле выражения грамматических значений сводится к двум типам:

1) Однозначные интонационные и собственно-грамматические средства в той или иной мере заменяют друг друга.

2) Разнозначные интонационные и собственно-грамматические средства могут создавать совместно новое комбинативное значение (напр. условное значение как сочетание формы повелительного наклонения и интонации придаточного предложения: **пойдет поп, барин — волоска не тронет**. Значение строгого приказа как сочетание формы инфинитива (или прош. вр.) и повелительной интонации: **молчать! пошел вон!** и т. д. (стр. 46—47).

§ 13. Интонационный способ выражения сказуемости по Пешковскому есть не что иное, как особый вид ударения на одном из слов фразы. Ударение это обычно называется логическим, но оно может быть и логическим, и психологическим, и до некоторой степени грамматическим, и даже чисто ритмическим (когда во фразе не выделяется никакого логического или психологического центра); поэтому Пешковский предпочитает называть его безразличным в отношении происхождения термином — **фразное ударение**. Ударение это имеет три основных вида: повествовательный, вопросительный и восклицательный. Оно может быть на каждом полном слове:

ты́ белую бумагу купил?,
ты бѐлую бумагу купил?,
ты белую бумáгу купил?,
ты белую бумагу купíл? (уже),
Оте́ц купил бумагу,
отец купíл бумагу,
отец купил бумáгу.

Фразная интонация выражает сказуемость и в неполных фразах: спокойной ночи! приятного сна!

Интонация выражает сказуемость в сочетании с именительным падежом существительных в бытийном (экзистенциальном), указательном и назывном значениях: Море. Тропики. Абсолютный штиль.

Человек! Это звучит гордо.

Сюда же принадлежит именительный падеж вывесок, заглавий книг, надписей на зданиях, объявлений.

Фразная интонация выражает сказуемость и в сочетании с инфинитивами в целом ряде значений:

Теперь — работать, работать и работать!

Учиться? Нет-с, всему научен, баста!

В этом разделе, как правильно отмечает С. И. Бернштейн, существует известная противоречивость в определении выражения предикативности, т. к. Пешковский, признавая интонацию одним из факторов сказуемости, в то же время всюду натягивает подразумеваемую глагольность¹.

Интонация вопросительных, восклицательных и повелительных предложений (стр. 348—351)

§ 14. Вопросительные, восклицательные и повелительные предложения выражают отношение говорящего к своей речи.

¹ Проф. С. И. Бернштейн. Грамматическая система А. М. Пешковского. Русский язык в школе, 1939, вып. 2, стр. 108.

Вопросительная интонация характеризуется особо высоким произношением того слова, к которому преимущественно относится вопрос, например:

ты вчера **был** с ним в театре?

ты **вчера́** был с ним в театре?

ты вчера был с **ним** в театре?

ты вчера был с ним в **театре**?

ты́ вчера был с ним в театре, или она?

Графическое изображение интонации дано в крайнем упрощении. В действительности линия повышения и понижения всегда изломана. Слововая интонация не учтена. Интонационная линия в первых трех случаях восходяще-нисходящая, в четвертом примере восходящая, в пятом примере нисходящая, но эта (последняя) интонация начинается выше, чем повествовательная.

Переходную форму от вопросительной интонации к повествовательной представляет **вопросительно-повествовательная** интонация, которая употребляется для выражения такого вопроса, ответ на который предвидится спрашивающим: Ведь ты был вчера в театре? Ага, не нравится? Так ты что ж, денег захотел?

Восклицательная интонация чрезвычайно разнообразна по тембру (в зависимости от чувств). Но мелодия довольно однообразна и занимает по высоте середину между вопросительной и повествовательной интонацией. Какой светильник разума угас! (Некр.).

Повелительная (побудительная) интонация различается смотря по тому, выражается ли приказание, просьба, совет, убеждение, спокойное предложение и т. д. Эта интонация резко отличается от вопросительной и восклицательной.

Уйди! отстань! садись!

Но **ты́** останься тверд.

Ты́ мне дай совет.

Погасить огни! Запереть двери!

Близка к побудительной интонации звательная интонация обращения, которая имеет целью побудить слушателя слушать. Сюда относятся все случаи ласки, мольбы, ругательства: Милая! Не слушай его! Благодетели! Спасите! Мерзавец! Как ты смел! Пошел вон, дурак! (стр. 362).

Обособленные второстепенные члены (стр. 366—387)

§ 15. Используя интонационные признаки, А. М. Пешковский ввел понятие обособленных второстепенных членов и дал им следующее определение: «Обособленным второстепенным членом называется второстепенный член, уподобив-

шийся (один или вместе с другими, зависящими от него членами) в отношении мелодии и ритма (и параллельно в отношении связей своих с окружающими членами) отдельному придаточному предложению» (стр. 370).

Пешковский подробно исследовал условия обособления существительных, прилагательных и причастий, наречий и деепричастий. Обособление — это крайняя степень синтаксического отделения внутри предложения. Поэтому обособление возможно только в области слабейшего управления.

Обязательно обособляются:

1. Прилагательное (и причастие), стоящее после своего существительного и имеющее при себе другие второстепенные члены (почти всегда):

На гризне, **уже недалекой,**
Не ты под секирой ковыль обagriшь... (Пушкин).

2. Два или несколько прилагательных, стоящих после своего общего существительного, если перед этим существительным уже есть одно прилагательное:

Это было неуклюжее строение, **просторное и пространное** (Тург.).

3. Прилагательное, относящееся к подлежащему и стоящее в начале предложения (или после обособленного члена) **перед** подлежащим, но **не непосредственно** перед ним:

Дальше, вечно **чуждый тени,**
Моет желтый Нил
Раскаленные ступени
Царственных могил (Лерм.).

4. Деепричастие, имеющее при себе второстепенные члены (почти всегда):

Песней душу веселя,
Бабы с граблями рядами
Ходят, **сено шевеля** (Майк.).

5. Два деепричастия, стоящие рядом:
Туманы, **клубясь и извиваясь,** сползали туда
по морщинам соседних скал (Лерм.).

Обособленный член всегда требует предшествующего ударения (если только сам не стоит в начале предложения).

Явление обособления может сводиться в интонационном отношении к простой двучленности распространенного предложения, если обособленная группа попадает в начало или в конец предложения: **придя домой,** я встретил... Я увидел человека, **бывшего у меня ранее.**

Как видно из предыдущего, Пешковский включил в число обособленных членов и так называемые «сокращенные придаточные предложения».

§ 16. Слитные предложения имеют определенные ритмические и мелодические особенности. Слитное предложение имеет обязательное ударение на каждом однородном члене и в нем всегда столько главных ударений, сколько в нем однородных членов: Не видно было ни камышей, ни плотины, ни берегов (Акс.). Однородные члены стремятся к однотонной интонации и вследствие этого заключительное понижение наступает в слитном предложении позже, чем в обычном. В бессоюзном слитном предложении обязательны паузы между однородными членами: Он удручен годами, войной, заботами, трудами... (Пушк.).

Интонационное сочетание предложений (стр. 404—419)

§ 17. Кроме союзов Пешковский признаёт еще одно средство соединения предложений в сложные целые — **союзные паузы**, основным признаком которых он считает интонацию. «Сложное целое (=сложное предложение) состоит из двух или нескольких предложений, соединенных союзами, союзными словами или союзными синтаксическими паузами и не разъединенных разделительными синтаксическими паузами». (стр. 406).

Внутри сложного целого может быть столько повышений, сколько предложений, или точнее, сколько границ предложений (т. к. одно предложение может попадать в середину другого):

Когда я пришел к нему,
мне сказа́ли, что он проси́л,
чтобы я подождáл.

Простое сочетание с повествовательной интонацией имеет одинаковую интонационную фигуру с подчинительными и сочинительными союзами и при перестановке предложений:

Когда я пришел к нему, его не было дома.
Его не было дома, когда я пришел к нему.
Я пришел к нему, а его не было дома.
Его не было дома, а я пришел к нему.

Имеется ряд интонаций, тождественных с отдельными группами союзов и могущих замещать их. Сюда относятся:

1. Объяснительная интонация:

Сержусь-то я на самого себя: сам я кругом виноват
(причинная связь).

2. Предупредительная интонация: Я это сделаю так: выкопаю большую яму... (пояснительная связь).

3. Интонация перечисления: проходил апрель, прошел май, отпели в зарослях, над усадьбою, соловьи (бессюзное сочинение).
4. Условная интонация:
Назвался груздем — полезай в кузов.
5. Противительная связь: собака лает, ветер носит.
6. Косвенно-вопросительная интонация: интересно, знает ли он.

Роль паузы (стр. 404—406)

Пешковский утверждает, что пауза на месте союза может создавать те же синтаксические оттенки, что и союз: червонец был запачкан, в пыли... (создает однородность).

Кроме пауз внутри сложных целых существуют еще паузы между отдельными сложными целыми. Это разделительные паузы.

Помимо синтаксических пауз (соединяющих или разъединяющих сложное целое), существуют еще и другие паузы: случайные (если закрыть рот говорящего), физиологические (для вдоха и выдоха), психологические (при смущении, волнении), **логические** (в лекции для выделения трудных слов и подчеркивания важных выводов).

Синтаксические паузы связаны с синтаксическим строем речи:

Соединительные или союзные паузы (заменяют союзы) связывают части сложного целого;

Разделительные синтаксические паузы разъединяют отдельные сложные целые.

Соединительные и разделительные паузы неразрывно связаны каждая со своими специальными очень разнообразными интонациями. Именно, соединительной паузе предшествует всегда или повышение голоса или частичное понижение разных видов, или та интонация, которая в предыдущем условно названа однотонной, но которая является в сущности рядом одинаковых повышений или частичных понижений.

Разделительной паузе предшествует всегда или законченного типа понижение голоса, или вопросительная, или восклицательная интонация (см. гл. XIX). **И эти интонации здесь важнее пауз** (стр. 406).

Так как при быстром темпе речи паузы могут совсем исчезать, а с другой стороны, всегда имеется в речи огромное количество несинтаксических пауз, то гораздо более выразительным и потому гораздо более обычным средством синтаксического дробления речи является интонация.

Можно прямо сказать, что в каждом отрывке создается столько сложных целых, сколько в нем таких интонаций, независимо от фактического количества пауз и от их длительности. Тут Пешковский впадает в противоречие с только что развитым понятием паузы.

«Таким образом в понятие синтаксической паузы надо включить и связанную с данной паузой интонацию, которая всегда сопровождает и часто заменяет паузу.

Только с такой оговоркой будет правильно то определение сложного целого, к которому мы ведем читателя и которое формулируем так» (стр. 406), (определение приведено выше в § 17).

Фраза (стр. 407—408)

§ 18. По наблюдениям Пешковского речь состоит из беспорядочной смены одиночных предложений и сложных целых. Поэтому основной интонационной единицей речи он признает не предложение (т. к. предложения в составе сложного целого интонационно несамостоятельны) и не сложное целое (т. к. и отдельное предложение может иметь интонационную законченность), а некую величину в грамматическом отношении то сложную, то простую, обладающую одной из трех законченных интонаций: законченно-повествовательной, вопросительной или восклицательной. Пешковский предлагает называть эту величину **интонационным единством**, или (проще) **фразой**.

Под фразой автор понимает всякий отрезок речи от одной разделительной паузы до другой, независимо от того, из скольких предложений он состоит. В интонационном отношении фраза может быть простой и сложной, но это деление не совпадает с грамматическим делением речи на одиночные предложения и сложные целые. Одиночные предложения могут часто произноситься двучленно и образовывать **сложные фразы**. Предложения с обособленными членами в интонационном отношении тоже сложны, хотя в грамматическом смысле они лишь предложения, а не комплексы предложений.

В тех случаях, когда придаточное предложение вставляется в главное (я **удивляюсь**, что вы, хотя вы так **добры**, не **чувствуете** этого), образуется из двух предложений три интонационных величины, которые можно назвать **частичными фразами**. Наоборот, в некоторых случаях комплексы предложений произносятся слитно, как одна простая фраза (если одно из слов этого комплекса получает усиленное ударение): Да ведь я же **все** сделал, что вы велели! Тут грамматические границы предложений в произношении не отличаются.

Очень краткие предложения тоже часто интонационно сливаются: Если правда, что заплатят, так пойду.

Отношения **фразы** и **предложения** Пешковский сводит к следующим пунктам: 1) фраза есть всегда или предложение или комплекс предложений;

2) предложение есть в большинстве случаев фраза (простая, частичная, сложная);

3) комплекс предложений (сложное целое) есть **всегда** фраза (сложная, редко простая);

4) частичная фраза есть всегда или предложение внутри сложного целого или синтаксически объединенная группа членов внутри одиночного предложения.

Достижения А. М. Пешковского в исследовании грамматической функции интонации

§ 19. Подводя итоги достижениям Пешковского в области исследования и конкретизации интонационных средств грамматики, нельзя не признать за ним великих заслуг в этой области перед советской и мировой наукой. Он поставил на должную высоту исследование грамматических функций интонации и в своем синтаксисе русского языка дал конкретное содержание науке синтаксической фонетики.

Пешковский дает систему интонационных признаков, которые либо наслаиваются на собственно-грамматические признаки, либо комбинируются с ними в единство, либо замещают их (стр. 40, 47, 161—162, 404 и др.).

Он объясняет и наглядно показывает интонационное выражение сказуемости, модальности, соединения и обособления, подчинения и сочинения, незаконченности и законченности. Он рассматривает роль соединительной и разделительной паузы в соединении с интонацией, дает интонационные фигуры однородных и обособленных членов, одиночного предложения и сложного целого, вводит терминологию интонационного дробления речи (фраза: простая, сложная, частичная) и т. д.

Но в некоторых разделах он допускает непоследовательность и противоречия.

Так, противоречивым является его термин **«однословное» словосочетание** (стр. 40, 162).

Непоследовательным и противоречивым является трактовка выражения сказуемости посредством интонации (стр. 149—164). На стр. 40 Пешковский утверждает, что «интонация прямо создает предложение» (во всех неполных предложениях), а на стр. 152—153 находит, что «сказуемость построена на глагольности», так как «в глаголе и только в глаголе мы имеем то сцепление воли с представлением, которое

рождает мысль». Но так как невозможно окончательно отвлечься от интонации, как частичного фактора сказуемости, то он находит решение в примирении крайностей: интонационный и нейнтонационный способ выражения сказуемости не находятся ни в каком отношении друг к другу (стр. 153). Сама по себе интонация не имеет предикативного значения (стр. 162).

Но в соединении с соответствующей интонацией некоторые непредикативные формы (инфинитив и им. пад. бытийных существительных) перестают нуждаться в предикативном восполнении, т. е. делаются сами предикативными (стр. 161—162). Остальные непредикативные формы требуют подразумеваемого предиката (161).

Противоречивостью отличается и трактовка взаимоотношения интонации и синтаксической паузы. Признавая в разъяснениях к определению сложного целого (стр. 405—406) интонацию важнее пауз в соединении и разъединении предложений, в самом определении (сложного целого) Пешковский мысленно включает в понятие паузы интонацию, как элемент паузы. Тем самым он допускает ошибку *contradictio in adjecto*: «звучащее молчание», т. е. звучание как элемент молчания! А так как общепризнанное понятие паузы такого противоречия не содержит, то подразумеваемый Пешковским элемент интонации вообще выпадает из его определения сложного целого: «Сложное целое есть сочетание предложений, соединенных союзами, союзными словами или союзными синтаксическими паузами и не разъединенных разделительными синтаксическими паузами (406).

Совершенно правильно указывает на недостаточность этого определения Дикушина-Поддячая в своей статье «О ритмико-синтаксическом членении речи в английском языке»: «Пешковский говорит о разделительной и соединительной паузе, но не говорит при этом об интонации».

Что касается одночленного высказывания и двучленного дробления предложения, то тут Пешковский не дает в тексте четкого определения двучлена и его границ.

Только в подстрочном примечании на стр. 380 имеется краткое указание на интонационное разграничение двучленов: «Ритмические условия требуют в этих случаях всегда двучленной интонации и раздел происходит после подлежащего:

Запряженные в сохи и бороны лошади, / были сытые и крупные».

Обстоятельно развито учение об обособленных членах, интонация которых подведена под интонацию придаточных предложений. В разделе об обособленных второстепенных членах даются примеры интонационных рисунков в сложно-

сочиненном и сложно-подчиненном предложении и правила следования интонации внутри сложного целого (стр. 366—370), а в главах, посвященных разбору сочинения и подчинения предложений (стр. 409—443) подробнее разъясняется только интонационное выражение косвенного вопроса (стр. 436—439), тогда как другие виды интонации сочинения и подчинения лишь вскользь упоминаются и мимоходом слегка поясняются (стр. 416—417).

Что касается графического изображения интонации, то оно указывает только линейное направление с уклоном вверх или вниз без всякого уточнения интонационного рисунка. В этом отношении нотные примеры В. А. Богородицкого несравненно лучше.

Заметки по интонации в «Синтаксисе русского языка» А. А. Шахматова¹

§ 20. Пешковский оказал своей первоначальной концепцией интонации влияние на А. А. Шахматова². Но позже он характеризовал точку зрения Шахматова по этому вопросу как переоценку значения интонации, как «увлечение», которое и сам он Пешковский, по его признанию, разделял, когда «впервые в русской литературе систематически вводил описание интонационных явлений в синтаксический труд»³.

Теперь же он полагает, что «простое безоговорочное включение признаков фразной интонации в общий запас синтаксических признаков... так же неосторожно, как и полное изгнание ее из синтаксиса»⁴. Он уже больше не признает взгляда Шахматова, согласно которому «синтаксические признаки интонации... приравниваются к морфологическим признакам»⁵.

Известно, что А. А. Шахматов предполагал создать синтаксис русского языка из семи разделов. В V разделе было намечено «Учение об интонации предложений». Смерть застала ученого на описании первых трех разделов. Эти материалы и составили капитальный труд А. А. Шахматова «Синтаксис русского языка», который к сожалению не содержит интересующего нас (пятого раздела) «Учения об интонации предложений».

Но отдельные разбросанные заметки по грамматической интонации встречаются и в законченной части его труда.

¹ А. А. Шахматов. Синтаксис русского языка. Учпедгиз, 1941 г. Ленинград, изд. 2-е, 620 стр. (1 изд. вып. I 1925, вып. II 1927 г.).

² Изв. ОРЯС Акад. Наук, т. XXV, стр. 227, 233.

³ Пешковский. Интонация и грамматика (Вопросы метод. родн. яз., лингвистики и стилистики. М.-Л., 1930).

⁴ С. И. Бернштейн. Основные вопросы синтаксиса в освещении А. А. Шахматова (Изв. ОРЯС, т. XXI, стр. 250).

⁵ С. И. Бернштейн. Грамматическая система Пешковского (Р. яз. в шк. 1939-2, стр. 98).

§ 21. В нижеследующем дается сводка основных замечаний по интонации, разбросанных по отдельным параграфам синтаксиса.

На стр. 35 (§ 16) дается объем понятия интонации и указывается на ее роль в предложении: «Интонация, разумея под этим и ударение предложения и словоударение, и темп речи, может дать ряд указаний на взаимные грамматические отношения слов в предложении». Ту или иную интонацию можно признать способом обнаружения грамматической категории: *братъ? холодно? вернулись?* (§ 498). «Некоторые категории не находят морфологического обнаружения и обнаруживаются интонацией».

Неударяемые слова в предложении (§ 16)

Союзы и предлоги вообще неударяемы. Но в некоторых случаях на предлоги переносится ударение со следующего за ним существительного: *по́ носу, из́ дому, на́ воду*.

Местоимения я, ты, мы, он, они являются слабоударяемыми. Но они могут иметь на себе полное ударение, когда этого требует смысл утверждения или отрицания: *о́н меня не обидел*.

Существительное имеет на себе полное ударение. **Спрягаемые глагольные формы** в вводных предложениях могут становиться энклитиками:

говорит грит гыт
скажет скаже
кажет каэ
бог знает бознать
молвь мол

Вспомогательный глагол быть является энклитикой.

Наречия склонны к энклизе: *здесь, там, тут, так* — слабоударны. Он *таки* ушел; **все-таки**.

Предложение и интонация

§ 22. **Предложение** это словесное облеченное в грамматическое целое (посредством согласования составных его частей или **соответствующей интонации**) выражение психологической коммуникации (стр. 29, § 12).

Слова, словесные элементы, **составляющие предложение**, сливаются в нем в одно целое благодаря или согласованию их между собой, или **соответствующей интонации**, являющейся впрочем и в первом случае **непременным объединяющим началом** (стр. 33, § 13).

Со стороны формы, словесного облика, **предложение** отличается от соответствующего ему, состоящего из тех же слов **незаконченного словосочетания интонацией** (стр. 274, § 365).

Бесподлежащие предложения отличаются от подлежащих самой интонацией главного члена: в подлежащих он произносится с повышением, а в бесподлежащих с понижением (§§ 39 и 50).

Вокативные предложения это те, в которых главным и единственным членом является **обращение**, имя лица, если это имя произнесено с **особою интонацией**. Интонацией может быть выражен упрек, сожаление, укор, негодование (§ 76, § 343).

Впрочем, словесным **отличием восклицательного наклонения** от изъявительного является как **особая интонация**, так и особое синтаксическое построение соответствующего предложения. Поэтому рассмотрение этого наклонения предполагается в синтаксисе, интонации и в отделе, посвященном порядку слов в предложении. Но, как известно, оба отдела (V и VI) остались ненаписанными (стр. 482, § 551).

Интонация и паузация членов предложения

§ 23. Интонация подлежащего отличает его от интонации сказуемого, если отсутствуют другие грамматические отличия (§ 157).

Сказуемое может быть отделено от подлежащего паузой: Что ж, обед — будет? (§ 210¹).

Ай, ай, месяц май: тепел и голоден (Даль) (§ 220, стр. 194).

Зависимое положение сказуемого вызывает произнесение его с такою **интонацией**, которая, сравнительно с другими интонационными явлениями предложения, представляется несамостоятельною, зависимою (§ 319).

Ударение на сказуемое производит инверсию. (§ 336).

Аттрибутивно-предикативная связь прилагательных выражается интонацией: **красных** лент мы не видели (а видели черные).

С **ленивыми** учениками трудно заниматься. (§ 393).

Паузация в слитном и сложном предложении

§ 24. Кроме изданного труда по синтаксису у Шахматова имеются еще не изданные синтаксические материалы, которые хранятся в архиве Академии Наук.

Из этих материалов Э. И. Каратаева приводит дополнительные заметки о слитном и сложном предложении¹. Как видно из этих заметок Шахматов уделяет большое внимание синтаксическим паузам и поясняет их роль в предложении.

¹ Э. И. Каратаева. Академик А. А. Шахматов о предложении с однородными членами и сложном предложении. (Доклады и сообщения Института Русского языка, вып. 1, 1948 г., стр. 66—83).

В понимании слитного и сложного предложения Шахматов расходится с обычным пониманием этих терминов и дает им свои определения.

Сложным предложением он называет такое предложение, в котором не одно подлежащее, а два или большее число при одном сказуемом. Эти подлежащие могут быть соединены между собой **синтаксическими паузами** или союзами: «В гостиной три дивана, три стола, два зеркала и сиплые часы».

Слитным предложением он называет такое двусоставное или односоставное предложение, в котором сказуемое или главные члены объединяются общим подлежащим или общими второстепенными членами и в котором они не имеют при себе каждое отдельно каких-либо второстепенных членов, при чем подлежащие и сказуемые соединяются между собой **синтаксическими паузами** или союзами: они меня вымыли, одели и накормили. Гнедые, пристяжные, маленькие, живые, черноглазые, черноногие, так и горят, так и поджимаются.

Синтаксические паузы отделяют однородные члены, но вместе с тем этими паузами достигается впечатление того, что эти члены однородны: «Я глядел тогда на зарю, на деревья, на зеленые мелкие листья».

Общепринятый термин «сложное предложение» Шахматов заменяет термином «сочетание предложений», а «сочинение предложений» он называет «соединительным сочетанием предложений». Соединение предложений в одно сочетание выражается теми же двумя средствами, что соединение второстепенных членов: **синтаксическими паузами** и соединительными союзами.

Соединительные паузы: «Один пологий холм сменялся другим, поля бесконечно тянулись за полями, кусты словно вставали вдруг из земли перед самым моим носом». (Бежин луг).

Союзное придаточное предложение вводится подчинительным союзом или эквивалентом союза — **подчинительную паузу**.

Обособленное предложение отделяется от следующего предложения особого характера паузой, паузой разделительной, по терминологии Пешковского, противопологающейся соединительной паузе.

Общий уклон А. Шахматова

Как и Пешковский, Шахматов уделял большое внимание устной речи. Он правильно подчеркивал, что большинство современных ему грамматистов в своих исследованиях исходили из графического образа предложения. Он упоминает среди них Вундта и Фортунатова.

Подобно Пешковскому же Шахматов придает паузе интонационное значение в разграничении смысла и чрезмерно подчеркивает смысловой вес паузы без интонации.

В понятие интонации А. А. Шахматов включает «и ударение предложения, и слоудоударение, и темп речи» (ср. § 21). В этом он отличается в положительном смысле от многих современных фонетистов, которые отрывают словесное ударение от интонации и противопоставляют их как силовое (динамическое) и музыкальное ударение, суживая понятие интонации до высотного движения тона. В действительности интонация как музыкальное явление в языке имеет все свойства музыкальных звуков, т. е. высоту, силу, длительность и тембр.

Теория русской речевой интонации Всеволодского¹

§ 25. Отправной точкой зрения Всеволодского является художественная практика. Он подходит к изучению интонации с физической, физиологической и психологической стороны. Он изучает осуществление и восприятие интонации, принципиально отталкиваясь от синтаксической теории интонации Пешковского. «Интонация вытекает из логико-психологических оснований, но не из синтаксических. ... Ритмико-мелодические требования интонации создадут свой новый синтаксис, но не наоборот». Элементами интонации (и ритма) он считает **высоту, силу, темп и тембр** и в соответствии с этим дает свое определение интонации: «Речевой интонацией я предполагаю называть отвечающую ряду слогов последовательность тонов, могущих различаться в отношении высоты, силы, темпа и тембра».

«Описательно интонацией можно назвать всю вокально-музыкальную фонико-фонетическую сторону человеческой речи, всю речь вне смыслового и эмоционального значений слов и словосочетаний». Пример: непонятная речь иностранца; речь через стенку.

Ритм является тем стержнем, на который нанизывается интонация при условии, что все видоизменения высоты, силы, темпа и тембра совершаются систематически, с возвратом и повторениями их сочетаний, всегда объединяющих внутри себя известные противоположения, вне чего интонация аритмична».

В главе VIII ритм определяется, как «систематическая повторность одинаковых противоположений». Фактором силовых модуляций является ударение. Вопрос о гамме сил раз-

¹ В. Всеволодский-Гернгросс. Теория русской речевой интонации. СПб. Госизд. 1922, 128 стр.

работан слабее вопроса высот и длительности. Трудно уловить чистый силовой интервал.

В. Всеволодский различает ударения: **слоговое** — усиление звука на протяжении слога.

Слововые — среди которых главное ударение, указывающее на основной смысл слова, называется **грамматическим**;

Фразовые — среди которых главное называется **логическим** — усиление грамматически ударяемого слова на протяжении предложения.

Роль логического ударения многосторонняя:

- 1) логическое ударение определяет смысл предложения;
- 2) на нем совершаются модуляции высот;
- 3) оно определяет речевые такты;
- 4) оно фиксирует музыкальную тональность.

Логическое ударение характеризуется усилением тона и мелодическим акцентом, который может двигаться вверх и вниз.

Речевым тактом называется группа слогов, возглавляемых логическим ударением. Речевые такты разделяются цезурами (паузами).

Речевой такт — логико-психологическое целое.

В ряду фразовых ударений наблюдаются также ударения ритмические, которые произвольно ставятся к концу предложений.

Что касается русского ударения, то Всеволодский настаивает, чтобы за этим термином сохранялось только силовое содержание и чтобы языки с музыкальным ударением считались языками с музыкальным акцентом (без ударения).

По способу взятия ударение может быть **staccato** и **legato**. Всеволодский утверждает, что речевая интонация пользуется звуко сочетаниями, допускающими переливчатые **glissando**, **portamento**, **legato** и точные музыкальные интервалы различных размеров.

Темп (степень скорости движения) слагается из двух величин:

- 1) из моментов самого звучания,
- 2) из моментов молчания, пауз, цезур.

Темп речи зависит от смысловой ценности высказывания: все ценное в речи произносится медленнее, все маловажное (напр. вводные предложения) произносится быстро.

Кроме того, темп зависит от ритмического требования равновесия во времени (изохронности), напр. «Ах, так? — Ну я тебе никогда в жизни это не прощу!» Тут первые два слога должны по времени уравновесить 15 слогов второго предложения.

Тембры проще всего определять по характеру простейших чувствований, типичными выразителями которых они являются, или по характеру гласных и согласных звуков, соответственно звучащих. Но в литературе встречаются метафорические определения (напр. золотой, серебряный, медный и бархатный у Легувэ).

Всеволодский объясняет различия в национальных интонациях «географическими, экономическими и, вообще, этнографическими условиями развития и существования данной народности. Каждому говору свойственна его индивидуальная интонация (великорусская, малорусская, белорусская)».

Значение интонации падает с развитием словаря.

Автор находит, что интонация «более объединяющее явление, чем европейская музыка, которая представляет собой явление частное по отношению к интонации. Вся народная музыка не укладывается в прокрустово ложе европейской музыки».

Большой интерес, чем теоретическая часть работы Всеволодского, представляют проведенные им практические наблюдения над интонацией русской речи (гл. III).

Он дает графическое изображение относительного движения тона по слогам в разных типах интонации: в вопросительном, восклицательном, звательном, утвердительном, вопросительном, объяснительном, сопоставительном, перерыва и связи, перечисления и повторения, удивления и убеждения.

Кроме того он подводит под другие типы интонации просительные, повелительные, пригласительные и увещательные.

Рисунок интонации подобран наглядный: линейный с двоякого рода точками для отдельных слогов, безударных и ударных.

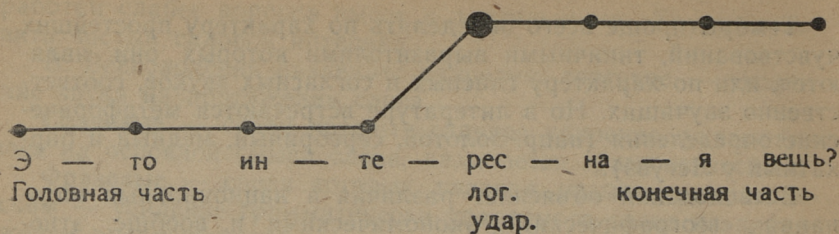
Всякая интонация начинается на линии нуля, т. е. на среднем тоне и к нему же стремится вернуться.

Интонационный рисунок разделяется на головную и конечную часть. **Головной частью** (интонации) автор называет интонацию от начала речевого такта до логического ударения исключительно; **конечной** — интонацию конца речевого такта от логического ударяемого слога исключительно. Направление движению интонации дает логическое ударение.

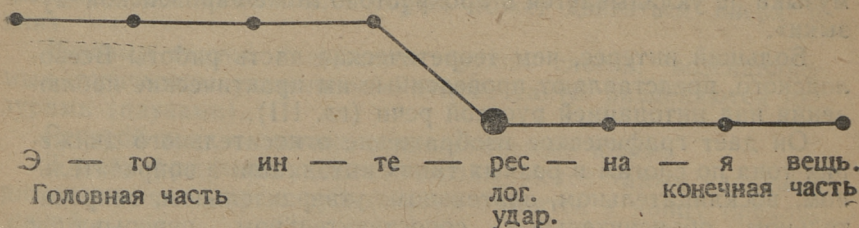
Приводим для иллюстрации некоторые примеры.

1. Интонация вопросительная. Вопрос — активное душевное движение, поэтому интервал восходящий и пропорциональный силе вопроса, обычно квинта. При сильном чувстве интервал октава или децима

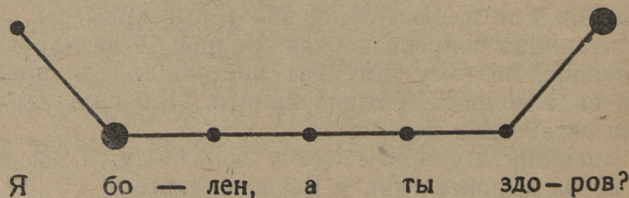
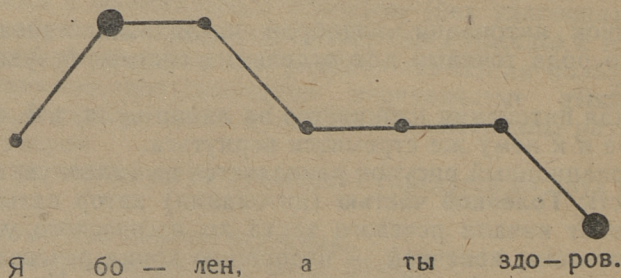
Как правило, заударные слоги произносятся на среднем тоне, а не на высоком, как у Всеволодского.

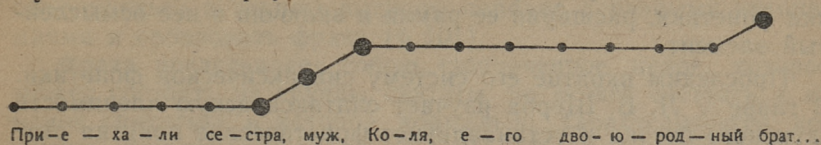
2. Утвердительная интонация. Утверждение требует нисходящего интервала, как интервала успокаивающего, и в целом рисунок интонации утверждения противоположен и симметричен рисунку интонации вопроса. Размер интервала обычно равен кварте:

3. Сопоставительная интонация

4. Интонация перечисления. Рисунок интонации ступенчатый, преимущественно с восходящим маршем. Последний член опускается на кварту,

Приведенных простых примеров достаточно, чтобы показать способ графического изображения интонационных типов у Всеволодского. Движение интервалов дано в крайнем упрощении, но это помогает лучше выявить типическое. В поисках симметрии между рисунком вопросительной и утвердительной интонации Всеволодский помещает конечную группу вопроса на высоком тоне, вместо среднего тона.

§ 26. В виде общего заключения о теории Всеволодского можно сказать, что его метод и теоретические позиции во многом напоминают установку западно-европейских исследователей, которые трактуют интонацию главным образом с физиологической и индивидуально-психологической точки зрения, в отрыве от ее социального аспекта.

Поэтому нельзя следовать ему целиком в отношении теории и метода, а можно лишь использовать его конкретные материалы по наблюдению некоторых явлений русской речевой интонации.

Академик Л. В. Щерба и синтаксическая фонетика

§ 27. С именем академика Л. В. Щербы связана новая эра в развитии фонетики в СССР. Начиная с начала настоящего века он неутомимо работал и руководил работой по экспериментально-фонетическим исследованиям. Он воспитывал новое советское поколение ученых фонетистов. Что касается самой науки фонетики, то Щерба обогатил ее своим творческим вкладом, вытекавшим из его воззрений на фонетику и ее роль в системе языка.

Л. В. Щерба не развивает фонетику как формальную дисциплину, а признает «преимущественную важность осмысленной, синтаксической фонетики». В его замечательном фонетическом труде «Фонетика французского языка» он впервые вводит раздел синтаксической фонетики (V и X гл.), в котором он изучает ритмико-мелодическую структуру французского языка в сравнительном аспекте с русским языком¹. Эта

¹ Акад. Л. В. Щерба. Фонетика французского языка. Л.-М. 1937, изд. 3-е 1948.

работа направляет и оплодотворяет изучение грамматической фонетики всех языков в пределах Советского Союза. В этом смысле Л. В. Щерба произвел истинный переворот в изучении фонетики, расширив ее рамки и включив в нее осмысленный элемент.

Проследим вкратце его систему синтаксической фонетики. В главе V Л. В. Щерба изучает синтаксическую членимость звукового потока и устанавливает фонетические понятия ритмического ударения, ритмической группы, синтагмы и фразы.

Он находит, что во французском языке «ударением снабжаются не слова, а группы слов, выражающие в процессе речи единое смысловое целое» (§ 93). При этом ударение ставится на последнем слоге группы.

Такое ударение он называет **ритмическим ударением**, а группу слов объединенных этим ударением **ритмической группой**. Далее (§ 95—96) даются правила для разграничения ритмической группы во французском языке. Служебные слова и местоимения составляют одну ритмическую группу со знаменательным словом, к которому они относятся. Одну ритмическую группу составляют также готовые предложения, выражающие одно понятие, определяющие слова перед определяемыми, односложные определяющие слова, стоящие после определяемого. Неодносложные определяющие слова, стоящие после определяемого, не составляют с ним одной ритмической группы: *un livre intere|ssant*. Так как это нарушает смысловое единство, то для восстановления этого единства ритмические группы, которые выражают единое смысловое целое, соединяются в фонетическое единство. «Это фонетическое единство, выражающее единое смысловое целое в процессе речи мысли и могущее состоять как из одной ритмической группы, так и из целого ряда их, я называю **синтагмой**» (§ 98)¹. Термин «синтагма» был в употреблении уже раньше, но не в этом смысле (Бодуэн-де-Куртенэ употреблял его просто в смысле «слово»).

Некоторые фонетисты (P. Passy, D. Jones) называют синтагму **дыхательной группой** (*groupe de souffle, breath group*), но в этом термине не выявляется смысловая природа синтагмы.

Ритмическая группа и синтагма совпадают по функциям выражения смысла и различаются лишь по форме (§ 99).

Французские синтагмы аналогичны русским: 'резать 'яблоко; раз'езжать по 'разным горо"дам; гово'ритель стихотво-

¹ Цитаты и ссылки на §§ даются по третьему изданию (1948 г.) «Фонетики французского языка».

рение наи”зусть. Французские ритмические группы не имеют аналогов в русском языке (§ 100).

Синтагмы как в русском, так и во французском могут объединяться в группы высшего порядка с разными интонациями и образовать фразу (§ 101).

Фраза представляет собою «законченное целое, которое может состоять из группы синтагм, но может состоять и из одной синтагмы, и которое нормально характеризуется конечным понижением тона» (§ 101). Фразы соединяются в одну **большую фразу** (§ 101).

По Щербе ритмическое (фразовое) ударение создает **ритмическую долготу**, (которая характеризует конец ритмической группы) в отличие от исторической долготы, свойственной некоторым фонемам как таковым.

Сравнивая характер ударения, Щерба приходит к заключению, что во французском и русском ударении тесно связаны **динамический, музыкальный, квантитативный** (количественный) и даже до некоторой степени **качественный** элемент. В немецком ударении он признает только присутствие музыкального и динамического элемента (§ 102). Динамический элемент во французском ударении слабо оттенен, в то время как в русском, немецком и английском языках он ярко выступает (§ 103).

В длинной ритмической группе возникают второстепенные ударения на нечетных слогах (с конца): Na'bucho'dono'sor, (§ 104).

В противоположность русскому языку во французском речевом потоке слова ничем не отделяются друг от друга: в русском: ходит около (а не ходитоколо), во французском: *notre alven|ture* (а не *notrelalven|ture*) (§ 105).

Мелодика фразы у Щербы

§ 28. Под мелодией речи Л. В. Щерба подразумевает музыкальное движение голоса во время речи.

От пения мелодика речи отличается тем, что «при ней голос все время скользит, делая сплошные «glissando», тогда как в пении он двигается по ступеням той или иной гаммы» с особыми ритмами (§ 186).

Фраза представляет собою мелодическое единство и может быть одночленной и двучленной.

Одночленная фраза

Когда вы будете дома?
Il est là.

Двучленная фраза

Ленинград — большой город.

Когда стало темно, — мы выбрались, наконец, из нашего убежища.

Ce chien (—) est tres méchant.

Одночленная фраза констатирует действительность. В двучленной фразе имеет место противопоставление двух констатирований, между которыми устанавливается логическая связь (логических подлежащего и сказуемого, временная, причинная и т. д.) (§§ 188—191).

(Grammont по-видимому не признает одночленного предложения: C'était à Bologne).

В фонетической характеристике мелодики фразы анализируются различные смысловые типы одночленной фразы: утверждение, вопрос, перечисление, присоединение, вставка (в общий ход мысли), незаконченность мысли (§§ 192—206). Наконец, дается сравнительная характеристика мелодического движения одночленной и двучленной фразы во французском языке.

Одночленная фраза характеризуется плавным переходом от одной синтагмы к другой и плавным конечным падением тона.

Первая часть двучленной фразы произносится как одночленная с повышением на конце. Первый слог второй части начинается резким падением тона и вся вторая часть является целиком падающей. Наглядно представлены схемы мелодического рисунка двучленной фразы (§§ 207—208).

Логическое и эмфатическое ударение (§§ 209—215)

§ 29. Л. В. Щерба не находит ничего общего между французским и русским логическим ударением. В русском языке логическое ударение является одним из средств для выражения «психологического сказуемого»: птица летит (- то, что летит, есть птица). Во французском языке для этого применяется особый грамматический оборот: C'est l'oiseau qui vole.

Фонетическая природа французского логического ударения состоит в усилении и удлинении гласного первого слога слова совместно с изменением его высоты и напряженности: il faut se **sou** mettre ou se **dé**mettre. Эмфатическое ударение, наоборот, состоит в усилении и удлинении первого в слове согласного: **miserable**.

«Логическое ударение привлекает внимание к данному слову, а эмфатическое делает его эмоционально насыщенным».

Русское эмфатическое ударение состоит в удлинении ударного гласного: прекра-аснейший работник, замеча-ательные произведения искусства.

§ 30. Л. В. Щерба показывает, что французский язык предпочитает употребление особого синтаксического оборота *c'est....qui* для подчеркивания «психологического сказуемого», вместо логического ударения (§ 209). Но он оставляет недосказанным, что во французском языке фонетический способ подчеркивания развит слабее, чем в русском, немецком и английском языке именно в виду ритмического характера французского ударения, всегда падающего в словесной группе на последний слог, который не всегда является знаменательным (смысловым) слогом.

Одночленная и двучленная фраза не разграничены определением, а разъясняются лишь на примерах. Примеры хорошо выявляют границы двучленной фразы, но одночленная фраза не так рельефно выделяется. Точное разграничение одночленной фразы было бы тем более желательно, что в отношении ее существует разногласие среди исследователей (ср. § 191).

Что касается классификации типов одночленной фразы, то она построена на логических категориях, а не на синтаксических формальных категориях (ср. §§ 196—206).

Л. В. Щерба признает только скользящее движение голоса во время речи (сплошное «glissando» § 186). Нельзя безоговорочно согласиться с его категорическим утверждением. Ведь гневное, энергичное, решительное выражение, приказ, требование — имеют стремительный, прерванный музыкальный интервал без всякого скольжения.

Скольжением тона выражается удивление, неожиданность, неуверенность, предостережение, просьба, одобрение, неполное согласие, оговорка, слабое возражение и т. п.

Имеются и национальные колебания в ту или другую сторону (напр. английская интонация имеет в общем более скользящий характер, чем эстонская).

В фонетике Л. В. Щерба дает правила для разграничения ритмических групп (§§ 95—96). Но правил построения синтагм он в фонетике не дает, а дает их в отдельной статье о взаимоотношении грамматики с лексикой¹.

И. И. Мещанинов о синтаксическом использовании фонетики²

§ 31. И. И. Мещанинов в вопросе о ритмико-мелодическом членении речи придерживается основных установок Л. В. Щербы.

¹ Л. В. Щерба. Преподавание иностранных языков в средней школе. Общие вопросы методики. М. Л. 1947, стр. 76—89, особенно 87—88.

² Акад. И. И. Мещанинов. Члены предложения и части речи. М. и Л. 1945.

Он находит, что фонетическая сторона произносимого отрезка речи не может оставаться без внимания при лингвистическом анализе структуры предложения и что с этой стороны изучение всех языков еще нуждается в дополнительной и весьма углубленной доработке (стр. 103). Фонетическими приемами в значительной степени облегчаются разбор и понимание слушаемой речи (стр. 101).

Другие морфологические и синтаксические приемы оказываются все же далеко не всегда столь же ясными передатчиками семантической связи между словами предложения (103). Идущий поток речи получает оттенки ударением, повышением голоса, паузами, оформлением слов и размещением их (стр. 10). Синтаксическое использование фонетики не ограничивается только интонациями и паузами. Сама фонема выделяется в языке по ее значимости как различителя лексической семантики слова и как уточнителя синтаксического его значения (стр. 10). Таким образом, фонетика, морфология и синтаксис оказываются теснейшим образом связанными в общем их назначении передачи смыслового содержания законченного высказывания (стр. 10).

В выделении семантико-фонетических единств Мещанинов следует в общем классификации Щербы «Ударение образует **ритмическую группу**, пауза объединяет словесный комплекс, именуемый **синтагмой**, музыкальное движение голоса во время произносимой речи (интонация) выделяют законченное высказывание».

«**Ритмической группой** называется отрывок потока речи, отмечаемый единством ударения (стр. 97). В русском языке ритмическая группа совпадает с границами слов, включающих энклитики и проклитики, т. е. безударные подвижные суффиксы и префиксы типа **перед-дóмом; чита́ем-мы мно́го** (стр. 97). Ритмическими группами может передаваться смысловое значение отдельных синтаксических построений, не отмечаемых другими синтаксическими приемами (стр. 98) (железная доро́га; желе́зная две́рь).

Определение **синтагмы** приводится по Щербе, но без интонационного компонента.

Группа синтагм, а иногда и одна синтагма, составляющие содержание всего высказывания как законченного смыслового целого, могут выделяться интонацией, т. е. музыкальным движением голоса, обычно заканчивающимся понижением тона. Эта область фонетики остается до сих пор наименее изученной. Между тем, интонация обращает на себя в лингвистических исследованиях отнюдь не меньшее внимание, чем остальные способы фонетической передачи синтаксических отношений, тем более, что интонацией выделяются границы иду-

щего потока речи, внешне выражаемые в предложениях и сочетаниях предложений (стр. 100).

Такого рода фонетические группировки слов, выявляющиеся в процессе музыкального движения голоса, представляют собою **мелодическое единство, охватывающее одно законченное по смыслу целое**. Такими смысловыми единицами являются или все предложение целиком, или ряд семантически соединенных предложений, или же членение внутри предложения или его же в составе синтаксической группы, а иногда обособляемые части предложения. В связи с этим **интонационные** (мелодические) **группы** могут передаваться одной синтагмой или же соединять ряд синтагм (стр. 101).

Классификация фонетических единств у Мещанинова отличается от классификации Щербы только отсутствием определенного термина для единства третьей степени, которое у Щербы называется **фразой**. Мещанинов употребляет вместо фразы описательные названия: мелодическое единство, мелодическая группа, интонационная группа (ср. стр. 101), законченное высказывание (стр. 97).

Необходимо подчеркнуть, что И. И. Мещанинов в трактовке синтаксической функции интонационных средств, рассматривает смысловую сторону речи в связи с синтаксическими формальными категориями (ср. стр. 101).

Коллективное исследование фонологических средств языка в высших научных учреждениях СССР

§ 32. Многогранная работа по исследованию фонологических средств языка разветвляется в лабораториях экспериментальной фонетики при высших учебных заведениях СССР.

Наиболее известны своей работой по экспериментальному исследованию интонационных средств языка лаборатория экспериментальной фонетики имени академика Л. В. Щербы Ленинградского государственного университета, лаборатория экспериментальной фонетики и психологии 1-го Московского государственного педагогического института иностранных языков и др.

Коллектив кафедры фонетики Ленинградского государственного университета занимается разработкой метода исследования интонации, исследованием интонационных средств русского и др. языков, исследованием сравнительной воздушности звуков речи, имеющей большое значение для изучения ударения, исследованием фонологических систем северных и др. языков Советского Союза и т. д.¹

¹ М. И. Матусевич. Лаборатория экспериментальной фонетики имени акад. Л. В. Щербы. Доклады и сообщения филологического института, вып. 1, Л. 1949.

Из появившихся в печати трудов членов этого коллектива имеет отношение к нашей работе исследование проф. Л. Р. Зиндера по общей фонетике¹.

Автор этого основательного труда не ограничивается трактовкой фонетики слова, а подвергает рассмотрению и проблемы фонетики предложения, в частности вопросы синтагматического членения речевого потока на материале русского языка.

§ 33. Из трудов авторского коллектива 1-го Московского государственного педагогического института иностранных языков по изучению фонологических средств русского языка следует отметить следующие работы:

1. Г. П. Торсуев. Предварительное сообщение об экспериментальном сравнении английской и русской интонации². Эта работа описывает осуществление интонации и употребление ее в главных типах простого предложения (утверждение, вопрос и восклицание) в сравнительном аспекте. Экспериментальная запись слов, фраз и предложений является проверкой уже проведенных исследований. Результат проверки существенных расхождений не дает.

2. С. И. Бернштейн. Вопросы обучения произношению применительно к преподаванию русского языка иностранцам. М. 1937.

Автор считает основным средством членения речи распределение акцентного веса между слогами и словами, а не паузацию, и не изменение высоты тона.

Он решительно возражает против утверждения, будто ударный слог в слове выделяется повышением тона голоса (стр. 46).

Интересно его фонологическое высказывание относительно целостного восприятия слов в потоке речи: «для осознания и различения слов служат все произносимые и слышимые звуки, употребляемые в данном языке и воспринимаемые в составе слов в конкретных сочетаниях» (стр. 25). Отсюда следует, что различителями слов являются не индивидуальные фонемы, а звуковой облик слова как целостное единство (гештальт).

Кроме названной работы у С. И. Бернштейна имеются другие работы, в которых он затрагивает вопросы интонационной стороны речи. Такими работами являются его труды по поэтике и фонетике, а также подробные рецензии на грамматические труды А. Л. Шахматова, А. М. Пешковского, Р. И. Аванесова и В. Н. Сидорова и т. д.

¹ Л. Р. Зиндер. Общая фонетика. Изд. ЛГУ, 1960, стр. 272—305.

² Экспериментальная фонетика и т. д., т. I, стр. 173—199, изд. 1-го ГМПИИЯ, М. 1940.

Заслуживает внимания и критического разбора его взгляд на характер ударения как средства членения фразы на речевые такты, высказанный в рецензии на грамматический труд Р. И. Аванесова и В. Н. Сидорова¹.

§ 34. По линии Академии педагогических наук в последнее время стали появляться работы, уделяющие внимание интонационным средствам языка.

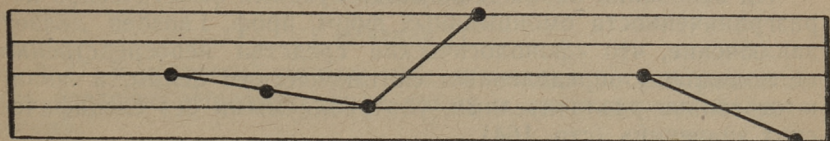
Так, в «Сборнике статей по методике русского языка», М. 1949 г. помещена статья Г. П. Фирсова: «Выразительное чтение на уроках синтаксиса» (стр. 186—233).

Эта статья трактует вопрос о русской речевой интонации на синтаксической основе, базируясь на исследованиях Л. В. Щербы, А. М. Пешковского и В. Н. Всеволодского-Гернгросса.

Определение речевой интонации у Фирсова совпадает с определением Всеволодского-Гернгросса, т. к. элементами интонации он считает силу, высоту, темп и окраску.

Графическую запись интонации он также проводит по Всеволодскому, считая, что «ноты не могут отразить скользящее движение речевой мелодии».

От Всеволодского же он перенимает мысль, что интонация вопроса только вместе с интонацией ответа составляет единое законченное интонационное целое:

Вопр. Ты был в са — ду? Отв. В са — ду.

В статье даются правила двучленного и многочленного расчленения предложения, которые разъясняют и дополняют общую схему Л. В. Щербы в этом вопросе. Довольно подробно разбирается акцентный вес слов в предложении и зависящее от этого образование «речевых звеньев», которые соответствуют синтагмам Л. В. Щербы.

По схеме А. М. Пешковского дается функциональное описание интонации простого предложения, распространенных и обособленных членов, однородных членов, неполных предложений, вводных слов и предложений и т. д.

Что касается описания движения тона, то по Фирсову предупредительные слоги произносятся на среднем тоне (которым

¹ Журнал «Русский язык в школе», М. 1946, № 3—4, стр. 82.

является тон отдельно взятых слов), заударные слоги произносятся на том же тоне:

чи
Книга мною про тана

Всецело посвящен изучению звуковых средств русского языка по их функции в процессе общения сборник АПН: проф. А. Н. Гвоздев. О фонологических средствах русского языка, М.-Л. 1949, 168 стр.

Интонационным средствам языка отведены стр. 98—164. Проф. А. Н. Гвоздев подвергает анализу ряд интонационных средств русского языка: словесное ударение, фразовое (логическое) ударение, паузы с речевыми тактами, обособление, как разновидность речевого такта, интонацию (утвердительную, вопросительную, восклицательную и повелительную).

В вопросе о двучленности А. Н. Гвоздев расширяет понятие противопоставления (как это выражено у Щербы) понятием выражения связи между подлежащим и сказуемым (предикативной связи по Шахматову) (стр. 150—151). Паузы по Гвоздеву употребляются для разграничения значимых сочетаний (стр. 155). Но он справедливо оговаривается, что пауза одна не создает впечатления законченности, если это не выражено интонационно (стр. 155).

На основании наблюдения над случаями фонетической неразграниченности омонимичных форм, проф. Гвоздев делает заключение, что «фонологические средства непосредственно не подчинены определенным синтаксическим целям, а являются только различителями, употребляемыми без специфических значений» (стр. 164).

Новым в своей работе проф. Гвоздев считает метод противопоставления четырех основных видов интонации (утвердительной, вопросительной, повелительной и восклицательной), заимствованный им, по-видимому, из теории фонологических оппозиций (пражской школы лингвистов).

В основных принципах проф. Гвоздев придерживается точки зрения Л. В. Щербы, А. М. Пешковского и А. А. Шахматова.

§ 35. Руководитель редакционной коллегии «Грамматики русского языка» Академии Наук СССР¹ В. В. Виноградов в теоретическом введении к синтаксису выдвигает интонацию как «существенный, неотъемлемый признак предложения» (стр. 77), определяя предложение как внутреннее **единство своего состава, порядка слов и интонации** (стр. 65, 89).

¹ Грамматика русского языка. Том II. Синтаксис, часть 1, стр. 40—41, 65—101). Изд. АН СССР, 1954.

Главными интонационными средствами организации предложения и выражения его содержания В. В. Виноградов считает ударение и мелодику (стр. 77), а также паузу (стр. 93, 98).

По В. В. Виноградову, интонация находится в соотношении со смыслом высказывания и с синтаксическими единицами речи.

В коллективном исследовании Института языкознания по синтаксису русского языка А. В. Бельский затрагивает вопрос об интонации как средстве детерминирования и предсказания в русском языке. Он рассматривает главным образом вопрос о взаимоотношении фразового и логического ударения¹.

§ 36. Из трудов авторского коллектива филологов кафедры русского языка филологического факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова следует выделить синтаксис современного русского языка под редакцией проф. Е. М. Галкиной-Федорук².

Автор раздела об интонации русского предложения Е. М. Галкина-Федорук описывает типы интонации простого предложения в связи с синтаксическими средствами оформления предложения.

При этом автор выражает адекватную точку зрения на сущность и роль интонационных средств в связной речи.

Аннотация

(Раздел I)

§ 37. В советской лингвистике интонация рассматривается как средство выражения смысловых и синтаксических отношений.

Учение об интонационно-синтагменном строе речи называется фонетикой предложения или синтагматической фонетикой.

Данная работа представляет собою краткий исторический обзор наших основных достижений в области разработки синтагматической фонетики русского языка. Целью этой работы является содействие внедрению синтагматического принципа изучения речевых явлений в научно-педагогическую практику.

В первом разделе данной работы дается критическое изложение наиболее важных трудов и высказываний русских ученых по вопросам интонации.

¹ А. В. Бельский. Интонация как средство детерминирования и предсказания в русском языке (Исследования по синтаксису русского литературного языка. Изд. АН ССР, М. 1956, стр. 189—199).

² Современный русский язык. Синтаксис, изд. МГУ, 1957. Интонация простого предложения, стр. 95—133.

А. Востоков. Особенный интерес представляет теория прозодических периодов А. Востокова, совершенно не освещенная в фонетической литературе нашего времени (до 1952 г.).

Прозодическими периодами (по нашему синтагмами) А. Востоков называет группы слов, объединенных одним главным тоническим ударением: не убежит никто от смерти. А. Востоков положил начало изучению ритмико-мелодического строя и членения речи.

Проф. В. А. Богородицкий впервые ввел экспериментальное изучение интонационных средств русской речи: логического ударения, высоты тона, тембра, паузы, их фонетического характера и взаимоотношений с синтаксическими единицами.

Ударение у В. А. Богородицкого связывается с повышением тона и изменением долготы гласных.

А. М. Пешковский. Глубокую разработку теории интонации в связи с грамматикой дал А. М. Пешковский. Под интонацией он понимает ритм и мелодию речи в их неразрывной связи.

Он различает тройкую функцию интонации:

- 1) выражение эмоций;
- 2) выражение словарных изменений;
- 3) выражение грамматических отношений.

Основное значение он приписывает формально-грамматическим средствам, вспомогательное значение интонации.

А. М. Пешковский преувеличивает значение синтаксической паузы за счет тона в своих основных определениях. Введением интонационного единства в форме фразы А. М. Пешковский отрешается от предложения как основной интонационной единицы.

Фразу он подразделяет на простую, сложную и частичную.

Частичная фраза ближе всего к синтагме: я удивляюсь, / что вы, / хотя вы так добры, / не чувствуете этого.

В общем итоге, А. М. Пешковский первый поставил на должную высоту исследование грамматических функций интонации и дал конкретное содержание науке **синтаксическая (синтагматическая) фонетика**.

А. Шахматов. А. Шахматов воспринял у А. М. Пешковского его крайний уклон в теории интонации, согласно которому синтаксические признаки интонации приравниваются к морфологическим признакам. А. Шахматов включает в понятие интонации ударение слова и предложения и темп речи, как определяющие взаимные грамматические отношения слов в предложении.

По А. Шахматову интонация может облекать предложение в одно грамматическое коммуникативное целое наряду с согласованием слов.

Подобно А. М. Пешковскому, А. Шахматов отождествляет паузу с тоном.

Грамматическое учение А. Шахматова отличается выдвиганием значения устной речи и интонационных средств выражения.

В. Всеволодский. В. Всеволодский изучает осуществление и восприятие интонации, принципиально отталкиваясь от синтаксической теории интонации Пешковского и Шахматова.

В понимании Всеволодского «ритмико-мелодические требования интонации создают свой новый синтаксис, но не наоборот». Составными элементами **интонации** он считает высоту, силу, темп и тембр.

Ритмом он называет систематическую повторность одинаковых противоположений.

Группа слогов, возглавляемых логическим ударением, составляет **речевой такт**.

Русскому ударению он приписывает только силовое содержание.

Темп речи зависит от смысловой ценности высказывания: ценное произносится медленнее, маловажное (вводные предложения) быстрее.

Темп зависит от требования изохронности.

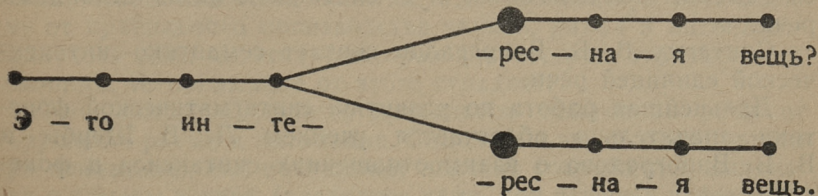
Тембры являются выразителями различных чувствований.

По мнению Всеволодского значение интонации падает с развитием лексики.

Интонация подразделяется на различные типы в зависимости от логико-психологических оснований, а не от синтаксических.

Интонация начинается на среднем тоне и к нему же стремится вернуться. Интонационный рисунок у Всеволодского подобран наглядный: линейный с двоякого рода точками, для ударных и безударных слогов.

Линейный рисунок интонации вопроса и утверждения составляет симметричную фигуру.

Из-за симметрии конечная группа вопроса помещается на высоком тоне, вместо среднего тона.

В виде общего заключения о теории Всеволодского можно сказать, что в его теоретической установке господствует физиологический и индивидуально-психологический подход к интонации в отрыве от ее социального и семантически-синтаксического аспекта.

Л. В. Щерба. Л. В. Щерба является первым теоретиком синтаксической фонетики в том смысле, что он теоретически обосновал этот раздел фонетики.

Он впервые ввел в свою фонетику французского языка раздел синтаксической фонетики, где он изучает ритмико-мелодическую структуру французской речи в сравнительном аспекте с русским языком и устанавливает фонетические понятия ритмического ударения, ритмической группы, синтагмы и фразы. **Ритмической группой** он называет группу слов, объединенных ритмическим ударением.

Фонетическое единство, выражающее единое смысловое целое в процессе речи-мысли и могущее состоять как из одной ритмической группы, так и из целого ряда их, он называет **синтагмой**.

Группа синтагм объединяется во **фразу**, которая представляет собою законченное целое, которое характеризуется конечным понижением тона.

Фразы объединяются в одну **большую фразу**.

Под **мелодией** речи Л. В. Щерба понимает высотное изменение голоса во время речи.

Он признает только скользящее движение голоса во время речи. В своей фонетике Л. В. Щерба дает правила для разграничения ритмических групп.

Синтаксическая фонетика Л. В. Щербы является основой для дальнейшего развития этого раздела фонетики.

В. В. Виноградов. Значительный вклад в дальнейшее развитие синтагматической фонетики внес В. В. Виноградов своим учением об интонации и синтагме.

Интонационными средствами оформления предложения В. В. Виноградов считает ударение, мелодику и паузы. Интонация по В. В. Виноградову находится в тесном соотношении со смыслом высказывания и с синтаксическими единицами речи.

Синтагму В. В. Виноградов считает семантико-синтаксической единицей речи.

Дальнейшая работа по развитию синтагматической фонетики значительно облегчается учением Л. В. Щербы и В. В. Виноградова о взаимоотношениях синтаксиса и фонетики.

Раздел II

Развитие учения о тонически-смысловых единицах речи

1.

Ритмическая группа, как элементарная ритмико-смысловая единица речи

§ 38. Каждый язык имеет свою специфическую ритмическую структуру, которая зависит от общей структуры данного языка и от характера и взаимоотношения знаменательных и служебных элементов. Так, в синтетических языках грамматические значения синтезируются с лексическими значениями в самих словах, и выражаются флективным или агглютинативным способом.

В аналитических языках, наоборот, грамматические значения аналитически отделяются от лексических значений слов и выражаются служебными словами.

Поэтому в синтетических языках слова имеют большую сложность и самостоятельность, чем в аналитических языках.

Эти особенности языковой техники оказывают влияние и на ритм речи.

Ритм русского языка отличается от ритма английского, французского и немецкого языков.

Тут играет свою роль состав и акцентный вес отдельных категорий слов. Английский язык, например, выделяет ударением указательные местоимения и имена числительные, но немецкий, французский и итальянский языки этих категорий слов особо не выделяют.

Служебные слова, которые выражают отношения между самостоятельными словами, обычно не имеют акцентного веса, если они не употребляются для интенсификации или не противопоставлены другим служебным словам (напр. в англ.: I saw **him**, not **her**. I **did** hear those words. You **must** go, there is no help for it).

К таким словам принадлежат артикли, предлоги, союзы, вспомогательные глаголы, некоторые группы местоимений, частицы и др. (см. выше § 21).

Естественное требование, предъявляемое к речи, состоит в том, чтобы она была понятна. Удобопонятность речи зависит от правильного производства звуков, ритма и интонации. Если хоть один из этих факторов значительно отличается от обычного, то понимание от этого страдает.

Легче всего нарушается правильное понимание речи от нарушения ритма и интонации. Отдельные звуки менее важны при понимании, как показывает явление сокращения, выпадения и замены звуков (последнее напр. при речевых дефектах).

Звуки оформляют слово, ритм и интонация оформляют не только слово, но смысл синтаксических групп и целого предложения.

Ритм не является самодовлеющим явлением в языке, а строится на семантико-грамматической основе для облегчения коммуникативной функции языка.

«Ритмическое ударение не есть посторонний языку элемент, введенный в него искусственно, а вытекает из свойств языка»¹.

Как в художественном произведении, так и в обыкновенной речи ритм играет роль определённого усилителя и способствует максимальной их воспринимаемости. Задача ритма — экономизировать восприятие и усвоение.

«Ритмическая речь вводит в сознание идеи и образы, приводя его в состояние «оптимальной возбудимости» при помощи ритмического раздражения и возбуждения речедвигательных центров, соответствующим образом иррадиирующих это возбуждение. Ритмическая речь — это речь усиливающая»².

Из западных теоретиков связь ударений со смысловой стороной подчеркивает Зиверс³.

Ритмико-семантический поток речи регулирует звуковую материю таким образом, что ударные группы звуков имеют тенденцию следовать друг другу изохронно, т. е. по равным промежуткам времени, причем группы безударных звуков включаются в эти промежутки тоже изохронно. Но эта общая тенденция, конечно, нарушается вариированием количества и характера звуков между двумя последовательными ударными пунктами. Кроме того, течение ритма речи зависит от грамматических отношений между словами, а также от количества и характера звуков в словах.

Ритмико-семантический поток речи в русском и английском языках регулирует отчасти количество и качество звуков и создает особое явление, называемое градацией или редукцией гласных.

В результате редукции гласных около шестидесяти служебных слов английского языка имеют параллельные формы: сильные или полные формы и слабые или сокращенные формы, напр. and (ænd) (сильная форма); / ənd, ən, nd, n, (m); (слабые формы); have /hæv/ (сильная форма); /həv, əv, v/ — слабые формы.

В английской речи безударные служебные слова примыкают к ударным знаменательным словам, образуя тем самым

¹ Корш. О русском народном стихотворении, стр. 51.

² Л. Тимофеев. Проблемы стиховедения. М., 1931, стр. 49.

³ Sievers. Rhythmisch-melodische Studien, 1912, стр. 29 и 50.

ритмические группы слов и слогов, напр.:

with the **body** of a **lion** /and the **head**/ of an **eagle**

Каждая из приведенных одноударных словесных групп образует в произношении как бы одно составное слово, ядром которого является ударный слог. Безударные слова (или слоги), предшествующие ударному слову (или слогу), называются **проклитиками**, а заударные слова или слоги называются **энклитиками**. Так, в группе with the **sun** upon them проклитиками являются **with the**, а энклитиками — **upon them**.

Такие одноударные группы знаменательных слов с их проклитиками и энклитиками, которые в произношении образуют фонетическое единство, называются **ритмическими группами**.

В английском языке эти группы называются **stress-groups** или **dynamic groups**, во французском языке **groupes de force** или **groupes rythmique**, в немецком языке **Sprechtakt** (речевой такт).

Немецкий термин «речевой такт» внушает представление о ритмической группе, как о строго размеренной музыкальной единице. На самом деле, в прозаической речи эти группы имеют только тенденцию к изохронности, но полной соразмерности никогда не достигают.

Вопрос об образовании и разграничении ритмических и смысловых групп (речевых тактов) нельзя считать еще окончательно решенным.

О. Есперсен, например, говорит, что фонетике будущего придется иметь еще много дела с понятием **такта**, что в настоящее время исследования по этому вопросу едва начались и что даже пригодного к употреблению определения этого понятия пока еще не существует¹. Это утверждение доньше сохраняет свою силу.

Так как понятие элементарной произносительной единицы еще не установлено, то оно имеет у различных исследователей неодинаковое содержание.

Английский исследователь Сигвен задался целью разделить речь на такты одинаковой величины, как в музыке.

Э. Зиверс² предлагает подразделять речь по крайней мере на такты приблизительно одинаковой продолжительности, что подсказывается ритмическим чувством.

Сильно- и слабоударные слоги у Зиверса образуют единство ценой расчленения слов: **Wo sind die Ge-fangen-en?**

Но тут кроется и здоровая мысль о соединении ударного слога с безударными.

¹ O. Jespersen. Lehrbuch der Phonetik, 1904, стр. 203, § 210.

² E. d. Sievers. Grundzüge der Phonetik, 4, 668.

Английский лингвист Суит стремится отделять ритмические группы и графически, при чем он сливает и разрывает слова напр.: An Englishman was once travelling in China — who could not speak chi — nese. One day he was dining at some eating-house and the waiter brought him a meat pie.

Сторм был против такого раздробления слов в тексте.

Когда Фиетор издает свою немецкую книгу для чтения в фонетической транскрипции, то он уже не сливает и не разделяет слов, а проводит только тактовые черты в тексте.

Пасси дает определение своим ударным группам (Les groupes d'accentuation) как маленьким группам, которые произносятся в один прием во время медленного диктанта¹.

«Такты имеют восходящее движение мелодии в романских языках, а нисходящее движение в остальных индоевропейских языках», так характеризует Клиnghардт² речевой такт.

Ритмическая группа не всегда образует самостоятельное смысловое единство, т. е. когда она не соответствует ни члену предложения, ни предложению.

Вандриес считает ритмические группы английского языка словами, исходя из синтетического понимания аналитического языка. Но нельзя согласиться с его точкой зрения на английские служебные слова³. Проф. Ярцева справедливо критикует эту точку зрения Вандриеса⁴.

А. Мейе признает слово вместе с энклитикой одним фонетическим словом. При этом он ссылается на древнеперсидские надписи Ахменидов, где существует знак отделения слова, но он не ставится между словом и последующей энклитикой. Что же касается морфологической и синтаксической самостоятельности, то, по мнению Мейе, даже энклитики ею обладают⁵.

А. А. Реформатский называет ритмическую группу **речевым тактом**, которому дает следующее определение: «Фраза («отрезок речи от паузы до паузы») распадается на речевые такты, которые разграничиваются минимумом интенсивности дыхания и объединяются одним ударением»⁶.

М. И. Матусевич разграничивает ритмическую группу следующим образом: «В некоторых языках, где отсутствует

¹ I. Passy et Rambeau. Chrestomathie française, § 57.

² H. Klinghardt. Sprechmelodie und Sprechtakt, 1925, стр. 11.

³ Вандриес. Язык. М., 1937, стр. 314—315.

⁴ В. Н. Ярцева. Основной характер словосочетания в английском языке, стр. 508 (ИАН ОЛЯ 1947 гл. VI в. в.).

⁵ А. Мейе. Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков. М. Л., 1938, стр. 158 и 373.

⁶ А. А. Реформатский. Введение в языковедение. М., 1947, § § 36 и 38.

словесное ударение, как например, во французском, фраза расчленяется на группы безударных слов, объединяющихся около одного слова, носящего ударение, и называемых **ритмическими** группами. Они представляют собой также единое смысловое целое, но могут объединяться в более крупные смысловые единицы — синтагмы, аналогично тому, как в других языках, например в русском, объединяются в синтагмы мелкие смысловые единицы — **слова***.

Г. П. Торсуев говорит следующее о ритмической группе: «Ритмический строй английской синтагмы не ограничивается более или менее равными по длительности интервалами между вершинами громкости ударных слов; неударные слова, находящиеся между такими вершинами, могут, в зависимости от смысловых связей (а также от определенных произносительных условий), — примыкать то к предыдущему ударному слову, то к последующему, образуя вместе с ними ритмические единицы, ритмические группы»**.

Последовательное учение о ритмических группах развито советским ученым акад. Л. В. Щербой¹.

В то время как западные лингвисты впадали в агностицизм, в области русского языка происходила плодотворная работа по исследованию тонических элементов выразительности. Еще за сто лет до О. Есперсена², И. Сторма³, О. Бремера⁴, Ф. Бейера⁵, которые отчаивались в возможности установить речевой такт и определить тоническую сторону речи, русский ученый А. Востоков⁶ дал стройное учение об акцентном членении речи и о «прозодических» периодах, простых и сложных (т. е. речевых тактах как смысловых группах) на основании исследования народного стиха и разговорной речи.

Синтагма

как тонически-синтаксическая единица связной речи

§ 39. «Заслуга создания учения о грамматическом разделе фонетики безусловно принадлежит Бодуэну-де-Куртенэ, который еще в 1870 г. («О древне-польском языке до XIX сто-

* М. И. Матусевич. Введение в общую фонетику. Ленинград, 1948, стр. 73.

** Г. П. Торсуев. Фонетика английского языка. М. 1950, стр. 207.

¹ Л. В. Щерба. Фонетика французского языка, гл V, §§ 92—104.

² O. Jespersen. Lehrbuch der Phonetik, 1904, S. 203, § 210.

³ Joh. Storm, Englische Phil. 1, 2, 1892, S. 214.

⁴ O. Bremer, Deutsche Phonetik 1893, S. 197.

⁵ Fr. Beyer. Französische Phonetik, 1914, S. 159, § 99.

⁶ А. Востоков. Опыт о русском стихосложении, 1817.

летия») говорил о несовпадении физической природы звуков с их значением в механизме языка для чутья народа»¹.

Человеческая речь получает оттенки ударением, повышением и понижением голоса, темпом, тембром, паузами, кроме грамматического оформления и размещения слов.

Правильное членение речи при произношении имеет решающее значение для выразительной передачи и понимания смысла. Основой для образования произносительных групп служит грамматический строй языка.

В зарубежных исследованиях по фонетике и грамматике не имеется разработанного учения о выразительных произносительных группах. Отдельные исследователи делают только поверхностные заметки по этому поводу и оставляют эту сторону речи на произвол интуитивных догадок отдельных индивидов.

Клингхардт²⁻³ понял, что членение речи на речевые такты совершается в интересах лучшего понимания смысла. Поэтому он заменил одноударный речевой такт (Sprechtakt) **смысловым тактом** (Sinntakt) для разграничения которого всегда употребляется интонация, а в случае надобности и пауза. Так как интонация является неотделимым признаком смыслового такта, то Клингхардт называет его точнее **интонационным смысловым тактом** (der Intonatorische Sinntakt). Каким образом предложение расчленяется на смысловые такты, этого Клингхардт не в состоянии теоретически разрешить, а советует руководствоваться инстинктом при выполнении упражнений («An Stelle der Regel muß die Übung treten. In den weitaus meisten Fällen dürfte der Benutzer unseres Buches instinktiv und sofort das richtige treffen»).

Д. Джоунз говорит о смысловых и дыхательных группах (sense-groups, breath-groups) на одной странице своей фонетики (стр. 254, § 5 1002—1006)⁴. Смысловыми группами (sense-groups) он называет кратчайшие и далее неделимые паузами подразделения предложения. Каждая смысловая группа состоит из нескольких грамматически тесно спаянных слов, которые произносятся в один прием во время медленного диктанта (§ 1005). Такое же определение имеется у Пасси и Рамбо⁵.

¹ А. Ф. Биршерт. К вопросу о системе фонем английского литературного языка. Ученые записки I, МГПИИЯ. М., 1940, стр. 46.

² Н. Klinghardt. Sprechmelodie und Sprechtakt. Marburg, 1925.

³ Н. Klinghardt und G. Klemm. Übungen im englischen Tonfall, S. 24—33, Leipzig, 1926.

⁴ D. Jones. An Outline of English Phonetics. p. 254. Cambridge, 1936.

⁵ J. Passy et A. Rambeau. Chrestomathie française, § 57, 1908 Leipzig-Berlin.

В третьем, четвертом и пятом изданиях своей фонетики английского языка Л. Джоунз понимает под дыхательной группой (breath-groups) целое предложение (§ 1008), но во втором издании он отождествляет дыхательную группу со смысловой группой ***, как грамматически связанной частью предложения.

Определения, данные Джоунзом смысловым и дыхательным группам, являются недостаточными в виду их растяжимости.

Армстронг и Уорд¹ вводят термин **смысловой группы** и интонационной группы в свое руководство по английской интонации без их объяснения и определения. Интонационная группа (intonation-group) является у них параллельным термином для смысловой группы.

Х. Палмер² называет смысловую группу **тонической группой** (tone-group) и определяет ее, как слово или ряд слов в связной речи, содержащих один и только один максимум выделяемости (maximum of prominence).

Каждый такой максимум имеет свое ядро в виде ударенного слога. Это ядро соответствует в предложении фразовому или логическому ударению. Далее он описывает тонический состав ядра и начальной и конечной части группы, но он не дает руководящих указаний и правил для выделения тонических групп. Единственным методом изучения тонических групп Палмер считает личное наблюдение и подражание.

Мы считаем такой подход интуитивным и явно недостаточным с научной точки зрения.

В советской лингвистике мы находим установку на разработку теории фонетико-синтаксических групп.

Основы синтаксической теории речи заложены академиком Л. В. Щербой в его фонетике французского языка и в отдельных научно-методических статьях³⁻⁴. Он же впервые применил термин **синтагма** для определения фонетико-синтаксических единств.

* D. Jones. An Outline of English Phonetics. p. 135. Leipzig—Berlin, 1922.

** D. Jones. Phonetic Readings in English, p. 18—21, Heidelberg, 1921.

¹ L. Armstrong & I. Ward. A Handbook of English Intonation. 1931, p. 7 и 25.

² H. Palmer. English Intonation with Systematic Exercises. P. 7.

³ Л. В. Щерба. Фонетика французского языка. Москва. 1948, гл. V и X.

⁴ Л. В. Щерба. Преподавание иностранных языков в средней школе. Общие вопросы методики. Москва, 1947, стр. 76—89.

Интерес представляет исследование проф. В. Н. Ярцевой¹ о характере словосочетания в английском языке, исходящее из синтаксического аспекта словосочетания.

Из синтаксического же аспекта исходит Е. В. Кротевич² в своей трактовке синтагмы, как синтаксического единства.

И. И. Мещанинов в учении о фонетических единствах исходит из синтаксически-фонетического аспекта.

В этом же контексте заслуживает внимания статья О. И. Дикушиной-Поддячей³ о ритмико-синтаксическом членении речи в английском языке. Новыми являются выводы Д. Н. Дикушиной-Поддячей о характере и взаимоотношениях одночленного и двучленного предложения в английском языке и о соответствии синтагмы (групповому) члену предложения или одночленному предложению.

Кроме названных теоретических разработок существует еще ряд трактовок синтагмы, из которых приводим некоторые определения для сравнения.

По Д. Н. Ушакову⁴ синтагма — это сочетание слов или частей слов, представляющее собой комбинацию **определяющего элемента и определяемого**.

А. А. Холодович⁵ называет синтагмой группу, которую образуют два элемента языка, отношения между которыми построены по принципу неравенства.

С. И. Абакумов⁶ считает синтагмами цельные по значению отрезки предложения, объединенные интонационно и обычно отделяющиеся друг от друга паузами.

Я. В. Лоя⁷ определяет синтагму, как «обособленный ритмически и по смыслу, объединенный интонационно, целостный по значению отрезок речи, между двумя паузами (синтаксическое слово или группа их), наименьшая, фактически в живой речи проявляющаяся часть синтаксического целого».

Е. В. Кротевич⁸ дает следующее определение синтагмы: «Синтагма — это синтаксическая единица, состоящая

¹ В. Н. Ярцева. Основной характер словосочетания в английском языке. ИАН ОЛЯ. 1947, т. VI, вып. 6, стр. 501—508.

² Е. В. Кротевич. К вопросу о синтагматическом членении речевого потока. Ученые записки Львовского Государственного университета, 1946, т. III, вып. 2, стр. 85—107.

³ О. И. Дикушина-Поддячая. Ритмико-синтаксическое членение речи в английском языке. Ленинград, 1951.

⁴ Д. Н. Ушаков. Толковый словарь русского языка. М., 1940, т. IV, стр. 187.

⁵ А. А. Холодович. Синтаксис японского языка, 1937, стр. 11.

⁶ С. И. Абакумов. Современный русский литературный язык. М., 1942, стр. 119, § 235.

⁷ Русский язык в школе, 1940, № 3, стр. 17.

⁸ Е. В. Кротевич. К вопросу о синтагматическом членении речевого потока. Ученые записки Львовского государственного университета, 1946, т. III, вып. 2, стр. 93—94.

из одного или нескольких слов, связанных грамматически и объединенных по значению и интонационно, составляющая либо сама отдельную дыхательную группу, либо входящая в ее состав; в отношении к предложению — синтагма обычно составляет его часть, но может и совпадать с ним».

В определении синтагмы Д. Н. Ушаков и А. А. Холодович исходят из грамматического принципа, но Холодович применяет родовой признак неравенства элементов языка, тогда как Ушаков ограничивается видовым признаком зависимости определяющего от определяемого элемента.

С. И. Абакумов понимает синтагму фонетически, а Я. В. Лоя берет в основу определения синтагмы синтаксический и фонетический признак.

Против определения синтагмы, данного Е. В. Кротевичем, выступает Г. Р. Тукумцев¹, хотя он не возражает против синтаксического принципа определения: «Здесь синтагма признается прежде всего синтаксической (а не ритмико-интонационной) единицей». Однако в определении не указано, — какая именно это единица, с какими смысловыми функциями; это создает расплывчатость понятия синтагмы; действительно, как показывают разбираемые автором примеры, синтагмой оказываются как члены предложения («ночью», «между черных стволов» и др.), так и группы членов предложения, даже образующие двухсоставное предложение («лес принял ... сказочный вид»), с чем никак нельзя согласиться». Г. Р. Тукумцев отождествляет синтагму с членом предложения, простым или распространенными (там же стр. 4). В его понимании «синтагма — синтаксическая единица, как морфема — морфологическая, фонема — фонетическая, лексема — лексическая и т. п.» (там же стр. 7).

То же, что акад. Л. В. Щерба называл синтагмой, Г. Р. Тукумцев предлагает называть термином **речевой такт**, или просто **такт** (стр. 6), которому он дает следующее определение: «Отрезки нашей звуковой речи между паузами носят название речевых тактов» (стр. 2). Как видно из определения, речевой такт в этом понимании заменяет и **дыхательную группу**.

А. А. Реформатский² называет отрезок речи от паузы до паузы фразой, т. е. дыхательной группой. В его понимании «фраза объединяется одной волной интонации» и составляет единицу интонации. Следовательно, тут фраза в интонационном отношении соответствует синтагме и заменяет ее. У Л. В. Щербы фраза дублирует предложение.

¹ Г. Р. Тукумцев. Понятие о синтагме, ж. Русский язык в школе, 1948 г. № 1, стр. 6.

² А. А. Реформатский. Введение в языковедение. М., 1947, стр. 67.

Бодуэн де Куртенэ* определил синтагму, как «слово, как морфологический элемент более сложного морфологического целого, т. е. фразы или предложения.

Ф. Соссюр¹ понимает синтагму как соединение двух или нескольких элементов речи, в том числе и сочетание корней в сложном слове.

«Слова в речи, образуя цепь, вступают между собою в отношения, основанные на линейном характере языка, исключающем возможность произнесения двух элементов сразу. Эти элементы выстраиваются один за другим в речевой цепи. Такие сочетания, опирающиеся на протяженность, могут быть названы синтагмами. Находясь в синтагме, элемент языка получает значимость лишь в меру своего противопоставления предшествующему, или и тому и другому. Синтагматическое отношение всегда налицо».

Л. В. Щерба² понимает синтагму как фонетическое единство, которое в данной ситуации и в данном контексте соответствует единому понятию.

Е. В. Кротевич видит в синтагме синтаксическую единицу.

Г. Р. Тукумцев ставит знак равенства между синтагмой и членом предложения.

Г. П. Торсуев³ находит, что «синтагмой может являться как обособленное (вводное) слово, так и обособленное (вводное) предложение (которое состоит из нескольких синтагм); синтагма может соответствовать разным типам предложения..., а также являться частью их». Г. П. Торсуев не отрицает тесных связей синтагмы с грамматическим типом предложения, но он не признает обоснования синтагматического членения «только структурно-грамматическими признаками».

Рассмотренные теории синтагмы можно группировать на теории синтаксические, фонетические и смешанные.

Чтобы вывести заключение по вопросу о синтагме, как термине для понятия фонетико-грамматического членения речи, нам приходится прежде всего установить отправную точку в этом вопросе.

Грамматисты ищут в терминологии членения речи опоры для грамматического разбора. Эта мысль ясно выражена у

* Проф. И. А. Бодуэн де Куртенэ. Введение в языковедение. Изд. 4-е, 1913/1914, стр. 191.

¹ В. Соссюр. Курс общей лингвистики. М. 1933, стр. 121.

² Л. В. Щерба. Преподавание иностранных языков в средней школе. 1947, стр. 77.

³ Г. П. Торсуев. Фонетика английского языка. М. 1950, стр. 189.

Г. Р. Тукумцева¹: «... в школе мы нуждаемся именно в синтаксическом понятии для осмысленного анализа структуры предложения; за этим понятием синтаксического структурного элемента и должен быть закреплен термин синтагма».

В традиционной грамматике письменного языка интонационные средства выражения при этом в счет не принимались и грамматических терминов с целью охвата обеих областей не создавалось.

Фонетисты с другой стороны заинтересованы в раздроблении речи, как непрерывного потока звуков, на более мелкие отрезки, выражающие какой-нибудь смысл. Но они при этом обычно не учитывают грамматических единств.

Грамматические единства исходят из слова и словосочетания, фонетические — из звука и звукосочетания. Обоих объединяет общая задача выражения и передачи смысла. Что тут первично, что вторично? Первичным является слово, как самостоятельная осмысленная единица языка. Из слов образуется словосочетание по правилам грамматики языка.

Грамматика — это не та или иная конкретная грамматика отдельного автора или авторского коллектива. Грамматика — это внутренние закономерности языка, по которым слагается язык для облечения человеческой мысли в материальную оболочку так, чтобы он обладал смыслом для людей в процессе социального общения. Вспомогательными средствами для такой грамматики являются и мимика, и жесты, и тоны, и ударения, и паузы.

Если мы задаемся целью ввести наше изолированное изучение фонологических средств языка, всевозможных несловесных средств, в систему словесных средств, тогда у нас будет меньше недоразумений в понимании задачи облечения человеческой мысли в материальную языковую оболочку. С этой точки зрения синтагма, если она стремится охватывать словесные моменты выражения мысли с дополнительными несловесными, тоническими средствами, будет иметь свою специфику, свое задание для уяснения и уточнения процесса передачи мысли. С этой точки зрения мы совершенно правомерно называем синтагму фонетико-грамматической единицей нашей речи.

Нельзя отрицать, что синтагма является таким синтаксически-фонетическим единством, которое оформляется фразовым ударением, соответствующей интонацией и обычно паузой, кроме собственно-грамматического оформления и размещения слов. Поэтому синтагматическое членение речи является необходимым базисом для изучения интонационных явлений.

¹ Г. Р. Тукумцев. Понятие о синтагме, стр. 6.

Вследствие тесной взаимообусловленности грамматических и интонационных средств, из которых грамматические средства являются первичными, (т. е. материей для интонационных средств, подобно тому, как слова являются материей для грамматических средств), синтагма не является ни грамматическим, ни фонетическим термином, а термином фонетико-грамматическим.

Интонация самостоятельно не образует языка и не является даже суррогатом языка. Она не может исполнять языковых функций без языка, т. е. без словесного выражения мысли.

Акад. В. В. Виноградов о понятии синтагмы в синтаксисе русского языка

§ 40. Интересный критический разбор различных синтагматических теорий дает академик В. В. Виноградов в своей обширной статье «Понятие синтагмы в синтаксисе русского языка»¹.

В этой статье В. В. Виноградов дает подробный критический разбор теорий синтагмы, исходящих от Ф. Соссюра и его последователей с одной стороны, от Л. В. Щербы и его последователей, с другой стороны, и заканчивает своей собственной теорией синтагмы.

1.

В теориях соссюровской школы синтагмы В. В. Виноградов справедливо вскрывает «смысловую опустошенность, грамматическую бесплодность и антиматериалистическую направленность понятия синтагмы» (стр. 186).

В таком понимании синтаксическая структура языка представляется опустошенной, освобожденной от живых **осмысленных интонаций, от интеллектуального и эмоционально-волевого содержания** (стр. 202).

У соссюровцев «термин синтагма становился универсальным понятием не только синтаксиса, но и морфологии, учения о словообразовании и даже семантики» (стр. 186).

При таком расширенном употреблении слова синтагма, когда оно применяется и к распространенным «придаточным предложениям, и к парным словосочетаниям, и к производным словам, и даже к неизменяемым словам в функции предложения, т. е. к одночленным и однословным предложениям, термин синтагма теряет всякий смысл, вернее, становится настолько многомысленным, что пригоден лишь для затемнения и маскировки подлинной общественно-смысловой сущности

¹ Вопросы синтаксиса современного русского языка. Под. ред. акад. В. В. Виноградова. М., 1950, стр. 183—256.

разных синтаксических явлений» (стр. 195—196). «Пустой ярлык синтагмы освобождает и от углубленного изучения предложения...» (стр. 196).

2.

Теорию синтагмы, обоснованную акад. Л. В. Щербой и развитую его последователями акад. В. В. Виноградов склонен признать под условием «очищения» понятия синтагмы от признаков фонетических (интонационных), ритмических, ритмо-мелодических (стр. 220) и углубления его синтаксически-семантической сущности изучением функций синтагмы в составе предложения (стр. 212), отношения между синтагмой и членом предложения, отношений между синтагмой и словосочетанием, связей между синтагмами и принципов соединения синтагм, способов синтагматического членения речи» и т. д. (стр. 212, 246—248).

Учение Л. В. Щербы о синтагме, вследствие «внутренних противоречий и неясности в определении синтагмы, неразработанности теории (стр. 185) — «дало повод к смешению единиц и понятий фонетических (интонационных), ритмических и синтаксическая сущность соответствующего понятия оказывалась заслоненной признаками фонетическими или ритмическими, ритмо-мелодическими» (стр. 220).

Поэтому В. В. Виноградов предупреждает читателя в конце своего критического разбора теорий синтагмы, что «синтагму не следует смешивать с единицей ритмической или чисто фонетической» (стр. 221).

3.

В последней части своей работы В. В. Виноградов предлагает свое собственное понятие синтагмы. «Это понятие отражает реальное, действительно существующие речевые явления и оно может стать ценным орудием дальнейшей научной работы в области диалектико-материалистического изучения синтаксических проблем, если очистить это понятие от всяких посторонних фонетических и механических примесей...» (стр. 228).

Но приступая к практическому синтагматическому членению речи, В. В. Виноградов находит, что «в семантику синтагм входят и экспрессивные интонации речи» (стр. 249).

Основываясь на практическом наблюдении над реальными явлениями общественной речи, В. В. Виноградов выводит следующее определение синтагмы: «Синтагма — это семантико-синтаксическая единица речи, отражающая «кусочек действительности», наполненная живой экспрессией и интонацией данного сообщения» (стр. 253).

Нетрудно заметить, что в этом картинном определении отражается не только синтактико-фонетический характер синтагмы, но и частичное словоупотребление Л. В. Щербы.

В. В. Виноградов говорит, что «в концепции Л. В. Щербы синтагма — это объективная категория стилистического синтаксиса»¹. Так же как у Л. В. Щербы, синтагма у В. В. Виноградова является подвижной категорией стилистического синтаксиса. «В синтагматическом членении выражаются тонкие смысловые и стилистические оттенки сообщения» (стр. 248). «Дело в том, что в семантику синтагм входят и экспрессивные интонации речи» (стр. 249).

Наблюдение над семантико-стилистической стороной речи приводит В. В. Виноградова и к следующим обобщениям:

«Уже из этих наиболее простых примеров ясно, что синтагма совпадает то с отдельными словами, образующими тот или иной член предложения, то с целыми сочетаниями слов группами...» (стр. 251). «...Во многих случаях синтагма включает в себя несколько членов предложения (стр. 252).

«Легко заметить, что и целое предложение становится синтагмой, когда мы рассматриваем его не само по себе, а как компонент или смысловую часть более сложного единства, когда мы стремимся понять его смысл в контексте сложного целого» (стр. 252).

Таким образом мы видим, что частичный отход от теории Л. В. Щербы в критической части работы В. В. Виноградова завершается в теоретической части его работы под давлением речевой действительности фактическим подтверждением основных предпосылок и, следовательно, истинности синтагматической теории Л. В. Щербы.

Дальнейшая разработка теории синтагмы на основании учения Л. В. Щербы и В. В. Виноградова может обогатить научное изучение взаимоотношений синтаксиса и фонетики.

Заключение

(Раздел II)

§ 41. Согласно известному определению «Язык есть средство, орудие, при помощи которого люди общаются друг с другом, обмениваются мыслями и добиваются взаимного понимания».

Человеческая речь представляет собою связный звуковой поток, который, в интересах лучшего понимания, расчленяется на меньшие смысловые единицы.

¹ Вопросы синтаксиса современного русского языка, стр. 228.

Средствами членения речи являются ритмические ударения, мелодика и паузы. Основой членения речи является грамматический строй языка.

По вопросу о ритмическом членении речи существует обширная литература, но в большинстве случаев это явление рассматривается вне связи с синтаксической и смысловой стороной языка.

На синтаксическую обусловленность ритмического членения речи и на взаимосвязь ритма и интонации с семантико-синтаксическим содержанием предложения впервые указал советский ученый и академик Л. В. Щерба. По Л. В. Щербе в процессе членения речи выступают фонетико-смысловые единства: ритмические группы и синтагмы. Ритмическая группа представляет собою одноударное фонетико-смысловое единство знаменательного слова с его проклитиками и энклитиками. Проклитиками и энклитиками являются безударные служебные слова, из которых первые примыкают к началу ударного знаменательного слова, а вторые к концу его, напр.: он пишет; пишет он хорошо.

Характер ритмической группы зависит от синтаксического строя языка. Каждый язык имеет свою специфическую ритмическую структуру, которая зависит от общей структуры языка и от характера и взаимоотношения знаменательных и служебных слов. Так, в синтетических языках (русский яз., эстонский яз.) грамматические значения синтезируются с лексическими значениями в знаменательных словах.

В аналитических языках (английский язык), наоборот, грамматические значения аналитически отделяются от лексических значений и выражаются служебными словами.

Поэтому в синтетических языках каждое (знаменательное) слово отмечается ритмическим ударением и тем самым выделяется в речи как самостоятельная единица, напр.: наша библиотека открыта целый день.

В аналитических языках при помощи ударений выделяются не слова, а группы слов, состоящие из какого-либо знаменательного слова, вокруг которого объединяются безударные служебные слова в виде проклитик и энклитик, напр.: will you be' quiet and' listen to me?

Одна или несколько ритмических групп образуют синтагму, которая является синтаксически-фонетическим единством, оформляемым соответствующей интонацией, фразовым ударением и обычно паузой, кроме собственно-грамматического оформления и размещения слов. Грамматически синтагмой может выступать член или группа членов предложения, а также целое одночленное предложение.

Вопрос о характере синтагмы, т. е. является ли она термином синтаксическим, фонетическим или синтаксически-фонетическим, до сих пор окончательно не разрешен и вызывает разногласия среди исследователей.

Автор настоящего очерка склоняется к тому, что синтагму следует считать синтаксически-фонетическим термином.

Вследствие тесной связи и взаимообусловленности грамматических и интонационных средств, из которых грамматические средства являются основными, синтагму следует считать объединяющим фонетико-грамматическим термином, если мы желаем устранить господствующий в языковедческой литературе отрыв изучения фонетических средств языка от системы словесных средств облечения человеческой мысли в материальную языковую оболочку.

С этой точки зрения синтагма будет иметь свою специфику, если она стремится охватить словесные моменты выражения мысли и дополнительные несловесные, тонические средства языка.

СОДЕРЖАНИЕ

Раздел I

Предисловие	3
Введение	3
Изучение функциональной стороны речевой интонации в русской и советской лингвистике	4
§§ 2—5. Теория прозодических периодов А. Востокова	4
§§ 6—9. Экспериментальные наблюдения В. А. Богородицкого над изменением высоты тона в отдельных словах и предложениях	8
§§ 10—19. Интонационная система А. М. Пешковского	17
§§ 20—24. Заметки по интонации в «Синтаксисе русского языка» А. А. Шахматова	29
§§ 25—26. Теория русской речевой интонации Всеволодского	33
§§ 27—30. Академик Л. В. Щерба и синтаксическая фонетика	37
§§ 31. И. И. Мещанинов о синтаксическом использовании фонетики	41
§§ 32—36. Коллективное исследование фонологических средств языка в высших научных учреждениях СССР	43
§ 37. Аннотация	47

Раздел II

Развитие учения о тонически-смысловых единицах связной речи

§ 38. Ритмическая группа, как элементарная ритмико-смысловая единица речи	51
§ 39. Синтагма как тонически-смысловая единица связной речи	55
§ 40. Акад. В. В. Виноградов о понятии синтагмы в синтаксисе русского языка	62
§ 41. Заключение	64

П. К. Ваараск
ОЧЕРК РАЗВИТИЯ СИНТАГМАТИЧЕСКОЙ
ФОНЕТИКИ РУССКОГО ЯЗЫКА

Таллинский политехнический институт

Редактор О. Реканд

Технический редактор Я. Мыттус

Сдано в набор 20 XII 1963. Подписано к печати
1 IV 1964. Бумага 60×90, 1/16. Печатных листов
4,25. Учетно-издательских листов 3,75. Тираж
600 экз. МВ-01485. Заказ № 4010.

Типография «Юхисэлу»
Таллин, ул. Пинк, 40/42.

Цена 23 коп.

Цена 23 коп.